

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

А. В. Юревич

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Психология социальных явлений

Андрей Юревич

Психология социальных явлений

«Когито-Центр»

2014

УДК 159.9
ББК 88

Юревич А. В.

Психология социальных явлений / А. В. Юревич — «Когито-Центр», 2014 — (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0288-7

Книга представляет собой очередной шаг в развитии макропсихологии – психологическом изучении процессов, проблем и явлений, соразмерных обществу в целом. В ней рассмотрены нравственно-психологическое состояние современного российского общества, психологические аспекты агрессивности, коррупции, социальной несправедливости, чрезмерного неравенства доходов, кадровой политики, модернизации. Осуществляется также психологический анализ строения национального менталитета, психологических предпосылок революций, коллективных смыслов как основы индивидуального счастья, коллективных образов будущего и др.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-9270-0288-7

© Юревич А. В., 2014
© Когито-Центр, 2014

Содержание

Введение	6
Часть I. Нравственно-психологическое состояние современного российского общества	10
Глава 1. Количественная оценка психологического состояния общества	10
Индекс психологического состояния общества	10
Динамика психологического состояния России	15
Повышение жизнеспособности общества	20
Глава 2. Экспертная оценка психологического состояния России	25
Методология экспертного опроса	25
Негативная динамика	27
«Созидательный альтруизм» и «агрессивный эгоизм»	32
Глава 3. Нравственное состояние современной России	38
Кризис морали	38
Проявления безнравственности	40
Последствия падения нравов	45
Глава 4. Феномен свободы в современной России	48
Избыточная свобода	48
Либерализм и псевдолиберализм	52
Антисоциальная социализация	54
Глава 5. Три источника и три составные части поддержания нравственности	57
Моральные основы общества	57
Трансляция моральных принципов в нравственность	59
Понуждение к соблюдению нравственных норм	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андрей Юревич
Психология социальных явлений

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2014

* * *

Введение

Одной из основных тенденций в развитии современной психологической науки является расширение ее объекта – обращение к социальным проблемам и явлениям, которые традиционно относились к территории других научных дисциплин, ее проникновение на эту территорию, порождающее как формирование новых междисциплинарных исследовательских областей, так и новых разделов психологии. Эта тенденция выражает как внутреннюю логику развития психологии, так и то обстоятельство, что в современном обществе трудно найти социальную, экономическую или политическую проблему, которая не имела бы ярко выраженный психологический компонент. Попытки изучения и решения этих проблем в абстрагировании от психологического, «человеческого» аспекта порождают хорошо знакомую ситуацию под названием «опять забыли про человека», а также абстрактные модели социальных преобразований, при их реализации в той или иной конкретной стране подчас дающие результаты, противоположные задуманному. Обращение к таким проблемам, как коррупция, запредельное неравенство доходов, преступность, терроризм и т. д., являющееся особо актуальным для современного российского общества, тоже высвечивает отчетливо выраженную психологическую составляющую, без учета которой их сколь-либо удовлетворительное решение не представляется возможным.

Очень характерным стало и обращение при обсуждении самых разнообразных социальных проблем к специфике российского менталитета как к фактору, который необходимо принимать во внимание при планировании любых социальных изменений. Одновременно наблюдается и тенденция к психологизации общих ориентиров развития человечества, в частности, переориентация таких организаций, как ООН, Европейская Комиссия, Всемирный банк и др., с чисто экономических показателей на такие цели, как повышение уровня счастья, субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью граждан различных стран.

Таким образом, расширение объекта психологической науки – ее обращение к социальным проблемам и явлениям, которые традиционно относились к области изучения других наук – сочетается с встречной тенденцией – обращением этих наук к психологической проблематике, которая естественным образом дополняет их традиционные объекты.

Относительно новый (как хорошо известно, все новое – это хорошо забытое старое) раздел психологической науки, в наибольшей степени отвечающий подобным тенденциям – макропсихология (по аналогии с макроэкономикой), психологическое изучение проблем и явлений, релевантных обществу в целом. Ее место в системе традиционных объектов психологической науки можно охарактеризовать как надстраивание над наиболее «социальным» из объектов социальной психологии – большими социальными группами. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что социальные явления, которые изучает макропсихология, не только надстраиваются над этими объектами, но и пронизывают их. Например, такое явление, как коррупция, являющаяся проблемой, существующей на уровне того или иного общества в целом, проявляется также на уровне составляющих его больших и малых групп, а также на уровне личности. То же самое относится к таким проблемам, как неравенство доходов, преступность, терроризм, специфика национального менталитета и т. д., каждая из которых пронизывает все слои социальной организации от личности до общества и даже человечества в целом. Макропсихологический характер подобных проблем заключается в том, что они не могут быть полноценно изучены, а тем более решены на более низких уровнях социальной организации, без обращения к обществу в целом и его макропсихологическим характеристикам.

Настоящая книга продолжает реализацию макропсихологического подхода, в последние годы развиваемого на базе Института психологии РАН с привлечением исследователей из других организаций (Макропсихология современного российского общества, 2009; Психоло-

логия нравственности, 2010; Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; Психологические проблемы современного российского общества, 2012; Нравственность современного российского общества: Психологический анализ, 2012; Проблемы психологической безопасности, 2012; и др.).

В современной российской науке становится традицией ориентироваться на стандарты, существующие в западной науке (нередко при сильном их искажении), на «конвертируемость» производимого знания путем публикации результатов исследований в международных журналах и т. п. и, соответственно, при использовании тех или иных терминов как минимум держать в уме их эквиваленты или референты, принятые в англо-американской психологической литературе. Таким англо-американским референтом словосочетания «психология социальных явлений», вынесенным в название этой книги, является термин «psychology of social issues», имеющий в зарубежной психологии достаточно широкое применение. Он шире и в целом удачнее, нежели «психология социальных явлений», поскольку включает также психологические компоненты социальных *проблем* и другие подобные сюжеты. Однако ввиду отсутствия его русскоязычного эквивалента автору пришлось ограничиться имеющимся термином с обозначением того, что реально подразумевается его более широкое содержание, выходящее за пределы психологического компонента собственно социальных *явлений*.

Разумеется, автор ни в коей мере не претендует на то, чтобы дать сколь-либо полное психологическое описание социальных проблем и явлений, имеющих ключевое значение для современного российского общества, а тем более для современного общества в целом. Это и в принципе невозможно, поскольку таких проблем и явлений можно выделить бесконечное множество, а практически каждая (каждое) из них, как отмечалось выше, имеет ярко выраженную психологическую сторону. Поэтому содержащийся в книге анализ осуществлен скорее в жанре case study, т. е. представляет собой психологическое изучение *отдельных* социальных явлений и направлен не на их сколь-либо целостное препарирование, а на то, чтобы обозначить и подвергнуть анализу их психологическую составляющую. При этом автор убежден в том, что выделенные им явления действительно *существенны*, концентрируют в себе важные характеристики и первостепенные проблемы современного общества.

Применительно к современному российскому обществу в качестве таких существенных социальных явлений, имеющих важную психологическую сторону, выделены агрессивность, коррупция, чрезмерное неравенство доходов, механизм выдвижения руководящих кадров, модернизация и др. В качестве более глобальных социальных явлений, имеющих значение не только для современной России, но и для всего современного мира (и не только современного), рассмотрены структура национального менталитета, революции, счастье, общая траектория развития современной цивилизации. Вместе с тем следует отметить, что разделение социальных явлений на имеющие российское и общемировое значение довольно условно. Первые – такие как агрессивность, коррупция, неравенство доходов – актуальны для всего современного мира, вторые – структура национального менталитета, революции, счастье, общая траектория развития цивилизации – имеют важное значение и для нашей страны, в результате чего во многом окрашены в книге «в российские цвета».

Книга представляет собой очередной шаг макропсихологического анализа социальных явлений. Задачи, вынесенные в ней за скобки, такие как систематизация хотя бы основных социальных явлений, имеющих ярко выраженную психологическую сторону, концептуализация их психологических факторов, ни в коей мере не снимаются автором с повестки дня, а лишь рассматриваются им как дальнейшие и необходимые этапы развития макропсихологического подхода. По мнению автора, этот подход имеет большое будущее, поскольку современное общество все более отчетливо осознает, что его основные проблемы имеют психологическую составляющую, а их научное изучение и решение не могут быть полноценными без активного участия психологической науки. Есть все основания предполагать, что те вызовы,

которые ожидают как цивилизацию в целом, так и наше российское общество, будут «психологизированы» не меньше, нежели современные проблемы.

Вместе с тем уже сейчас можно в первом приближении набросать общие контуры «встраивания» психологических процессов в такие, казалось бы, имеющие между собой мало общего социальные явления, как агрессивность, коррупция, неравенство доходов и др. Эти контуры задаются тем, что, как подчеркивал в своих работах Б. Д. Парыгин (Парыгин, 1971 и др.), объективная социальная реальность преломляется системой психологических опосредствований, которая определяет психологическое состояние и поведение людей.

Система психологических опосредствований включает следующие основные элементы: 1) образ социального мира в целом, 2) образ своей страны, 3) социальные представления о конкретных социальных явлениях, 4) отношение к другому человеку, 5) отношение к самому себе, 6) образы будущего.

Образ социального мира, естественно, многокомпонентен, включает множество самых разнообразных составляющих (на которых в данном контексте, естественно, нет возможности останавливаться), варьирует по своему богатству и насыщенности у разных людей в зависимости от богатства их жизненного опыта, когнитивной сложности и других психологических характеристик. Вместе с тем выделяются и основные психологические измерения этого образа, обобщенные различными психологическими теориями, например, такими, как теория веры в справедливый мир.

Образ своей страны тоже многосоставен, может быть образован взаимно противоречивыми элементами (например, «хороший» народ – «плохая» власть, богатые природные и человеческие ресурсы – «несчастливая» история) и тоже может быть выстроен в системе психологических измерений.

Социальные представления о конкретных социальных явлениях очень вариативны, связаны с основными ценностями личности, ее социальными установками и т. д. Например, отношение к коррупции может варьировать от крайне негативного и порождающего экстремальное видение способов борьбы с нею (коррупционеров следует расстреливать, их имущество – конфисковывать и т. п.) до вполне толерантного, основанного на ее восприятии как неизбежной, «неизлечимой» и даже оказывающей позитивное воздействие на экономику.

Отношение к другому человеку и образ Другого, занимающий видное место во многих психологических теориях, естественно, даже на психологическом уровне является абстракцией, сформированной на основе очень различающихся между собой образов конкретных Других. Тем не менее, и он может быть сведен к системе общих знаменателей. Таких, как, например, проходящее красной нитью через многие теории человека и общества представление о том, что человек в целом «хорош», заслуживает доверия и поэтому нуждается лишь в минимальном внешнем социальном контроле (либерализм), или же что он «плох», агрессивен, всегда стремится к максимизации личных благ за счет окружающих и поэтому нуждается в достаточно строгом социальном контроле (консерватизм, хотя это общепринятое обозначение соответствующих социальных теорий явно неудачно).

Образ себя самого включает не только такие общеизвестные психологические компоненты, как уровень самооценки и т. д., но и, например, представления о том, приемлемо ли брать или давать взятки, жить намного лучше других за счет не слишком чистоплотных стратегий экономического поведения, – о том, что вообще приемлемо, а что нет, на какие компромиссы с нравственными представлениями можно идти (и можно ли вообще), и какие цели оправдывают средства.

Образы будущего включают образы будущего человечества в целом, своей страны, конкретных социальных групп, себя самого, своего ближайшего окружения и др. Все их богатство и разнообразие укладывается в такие глобальные психологические «измерения», как опти-

мизм/пессимизм; подобно всем таким образам, они сильно эмоционально окрашены и задают жизненную перспективу личности.

Естественно, можно выделить не только перечисленные, но и другие важные психологические *медиаторы*, в системе которых объективная социальная реальность «психологизируется», инкорпорируется во внутренний мир личности, определяя ее психологическое состояние и поведение.

Подобные медиаторы встраиваются в социальные явления, образуя их психологическую ткань, формируют их психологический компонент, о котором пойдет речь в этой книге. Одновременно они тянут за собой «шлейф» психологических процессов и феноменов, которые покрывают практически все исследовательское поле психологической науки и образуют объект макропсихологии, или психологии социальных явлений, контуры которой намечаются в данной работе.

Часть I. Нравственно-психологическое состояние современного российского общества

Глава 1. Количественная оценка психологического состояния общества

Индекс психологического состояния общества

В первые годы реформ для нашего общественного сознания был характерен «экономический детерминизм» – восприятие и объяснение происходящего в социуме как детерминированного преимущественно экономическими причинами. Практически все основные цели, которые ставились перед нашим обществом в начале реформ, – построение рыночной экономики, рост ВВП, укрепление рубля, снижение инфляции и т. п. – носили чисто экономический характер, а такие проблемы, как острейшая социальная несправедливость, криминализация, коррупция, деградация морали, социальная и физическая незащищенность граждан и др., хотя и не были обделены вниманием властных структур и СМИ, все же рассматривались в качестве второстепенных. Разумеется, было бы абсурдным отрицать чрезвычайную важность перечисленных экономических целей, но их достижение само по себе не обеспечивает главной задачи любых реформ – *повышения благополучия граждан*, а, например, вопрос о том, можно ли считать благополучной страну, где ВВП растет, а численность населения ежегодно сокращается, принадлежит к числу риторических.

Несмотря на очевидные недостатки «экономического детерминизма», который А. Токвилль подвергает в своих работах (Toqueville, 1955 и др.) разрушительной критике, К. Полани называет «экономическим заблуждением» (Polanyi, 1957), а М. Рац – «отрыжкой марксизма», подчеркивая производность «упертости в экономику» от марксистского разделения общества на экономический базис и, в общем-то, второстепенную социальную надстройку (Рац, 1997), подобный стиль мышления и объяснения происходящего в обществе не преодолен до сих пор, причем нашим экономистам-либералам, формально отвергнувшим марксизм, он свойственен не меньше, чем его правоверным адептам, свидетельством чему может служить, например, книга Е. Т. Гайдара (Гайдар, 2006)¹.

Вместе с тем в современной социогуманитарной науке сложилась очевидная необходимость более разностороннего, многомерного видения общества и многопланового рассмотрения факторов, влияющих на происходящее в социуме и на перспективы его развития.

Одним из таких факторов является *психологическое состояние общества*, по своей значимости вполне сопоставимое с его политическими и экономическими характеристиками. Для его оценки нами был разработан *композитный индекс психологического состояния общества*, объединяющий два вторичных индекса – индекс психологической устойчивости общества и индекс его социально-психологического благополучия, каждый из которых в свою очередь интегрирует три первичных индекса (см. рисунок 1)².

¹ В подобных случаях можно допустить и «защитный» характер узко экономических объяснений, когда действия реформаторов трактуются как «объективная» экономическая необходимость, снимая тем самым вопрос об их личной ответственности за содеянное.

² Перечисленные на рисунке первичные индексы можно сгруппировать и другими способами. Например, объединив во вторичные индексы: 1) психические расстройства и смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств; 2) социальное сиротство и устойчивость семьи; 3) убийства и самоубийства.

В качестве первичных индексов рассматривались показатели, во-первых, релевантные психологическому состоянию общества и выражающие его, во-вторых, поддающиеся количественным измерениям. В этом плане расчет данного индекса продолжает традицию, сложившуюся хотя и не в психологической науке, но имеющую к ней непосредственное отношение (Гундаров, 2001; и др.). В частности, как отмечает В. В. Сулакшин, «в научной литературе известны попытки косвенного описания психологического состояния общества через количественные замеры девиантного поведения: убийств, самоубийств, проявления поведенческих агрессий, для которых существуют статистические данные» (Сулакшин, 2006, с. 76–77). Первой попыткой такого рода исследования, очевидно, следует считать одну из наиболее резонансных работ Э. Дюркгейма – «Самоубийство: Социологический этюд» (Дюркгейм, 1998).

Рис. 1. Структура композитного индекса психологического состояния общества

На первый взгляд, подобный подход – оценка психологического состояния общества по его *социальным* проявлениям, фиксируемым на уровне статистики, – существенно отличается от традиции вычисления количественных показателей, сложившейся в самой психологической науке. Однако эти различия не следует переоценивать. В тех случаях, когда психолог судит, например, о психологических качествах человека по результатам их тестирования, он тоже оценивает скрытые психологические сущности по их поведенческим или вербальным проявлениям. И в этом плане оценка психологического состояния общества на основе статистических данных не имеет принципиальных отличий от повседневной исследовательской практики психологов – за одним исключением, состоящим в том, что в первом случае «скрытой психологической сущностью» выступает психологическое состояние не отдельного человека, а общества в целом.

Аналогичный подход становится очень характерным для современной социогуманитарной науки, параллельно распространяясь в различных дисциплинах – в социологии, демографии и т. д. Социологи вычисляют индексы социальных настроений, социального оптимизма, удовлетворенности жизнью, социального самочувствия населения и др. (Балацкий, 2005а, б; Бойко, 1986), имеющие ярко выраженную психологическую составляющую³. Демографы подчитывают такие индексы, как коэффициент витальности страны (Сулакшин, 2006), тоже имеющие психологический оттенок. Широкое распространение получили и исследования такого

³ Подчеркнем, что и первичные компоненты этих индексов тоже во многом психологизированы. Например, индекс удовлетворенности жизнью, предлагаемый Е. В. Балацким, включает такие первичные показатели, как творческая самореализация, эффективные неформальные социальные контакты (дружба, общение, взаимопонимание и т. п.) (Балацкий, 2005б).

феномена, как качество жизни, а также близких ему феноменов – субъективного благополучия и др., в изучении которых активное участие принимают и психологи (Biderman, 1970; Keltner, Locke, Audrian, 1993). Подобные, синхронно проявляющиеся в разных социогуманитарных дисциплинах, тенденции имеют общий знаменатель – *стремление количественно оценить социальные и психологические характеристики общества*, которые традиционно носили качественный характер, а также акцентировать для власти и общественного сознания их значимость в наиболее убедительной форме – в виде количественно зафиксированных тенденций⁴.

Относительно первичных показателей, положенных в основу расчета композитного индекса макропсихологического состояния общества, тоже следует сделать ряд замечаний.

Во-первых, каждый из них имеет не только психологический смысл и, в рамках сложившихся традиций их использования, как правило, употребляется не в психологическом значении. Однако каждый из них обладает и психологическим смыслом. Первичные показатели, на основе которых рассчитывается первый вторичный индекс, в большей степени релевантны *уровню личности* и характеризуют ее психологическую устойчивость, а первичные показатели, лежащие в основе второго вторичного индекса, релевантны *уровню межличностных отношений*, характеризуют степень их благополучности, устойчивость «первичных ячеек» общества, свойственное ему отношение к детям и к человеческой жизни вообще, сложившуюся в нем морально-психологическую атмосферу и т. п. При этом каждый из первичных показателей представляет собой «агрегированное явление, в котором уже произведено первичное „схлопывание“, сжатие социальной информации» (Балацкий, 2005б, с. 43).

Во-вторых, композитный индекс психологического состояния общества интегрирует далеко не все показатели, имеющие психологический смысл. По сути, он отражает степень психологического *неблагополучия* общества, будучи акцентированным преимущественно на негативных явлениях. Вообще довольно трудно найти существенный для общества и потому фиксируемый в статистических справочниках показатель, который был бы полностью лишен психологического значения. Вместе с тем, построение композитных индексов предполагает естественные ограничения: нельзя «объять необъятное», охватив все более или менее релевантные показатели, и к тому же они обладают разной степенью психологической релевантности. Как подчеркивает Е. В. Балацкий, «число факторов не должно быть слишком большим (не больше 15), поскольку в противном случае индекс станет непрозрачным, а интерпретация количественных результатов превратится в трудоемкую процедуру» (там же). Поэтому в композитный индекс были включены лишь статистические показатели, обладающие наибольшей психологической релевантностью.

В-третьих, не все показатели оказались приемлемыми в условиях сложившейся в нашей стране системы их расчетов. Например, характеристикой общества, явно релевантной его психологическому состоянию, является уровень алкоголизма. Однако в нашей официальной статистике в качестве соответствующего показателя рассматривается количество лиц, обратившихся к наркологам. И поскольку такая традиция, в отличие от традиции обильного потребления спиртного, не характерна для России (мало кто из наших сильно пьющих сограждан обращается к наркологам, имея для этого все основания), то по данному параметру мы выглядим как практически непьющая нация, что явно противоречит статистике потребления спиртного на душу населения.

В-четвертых, наиболее высокой психологической релевантностью обладают «мягкие» индексы – индексы социального самочувствия, социальных настроений и др., вычисляемые российскими социологическими службами. Однако они подсчитываются на основе выбороч-

⁴ С. С. Сулакшин, например, по поводу вводимого им коэффициента витальности страны пишет: «Введение данного параметра объясняется также стремлением операционализировать в управленческом и правовом смысле признание человеческой жизни высшим мериллом государственно-управленческой успешности» (Сулакшин, 2006, с. 27).

ных опросов населения, не соотносимы с общестатистическими показателями и «привязаны» к определенным выборкам. Поэтому, не отвергая возможности вычисления и использования подобных индексов в дальнейшем, на данном этапе было целесообразно ограничиться лишь «жесткими» индексами, вычисляемыми на основе общероссийских статистических показателей. Следует отметить и то, что «слишком «податливые» индикаторы часто улавливают случайные социальные изменения, своего рода «белый шум», что лишь дезориентирует аналитика» (Балацкий, 2005а, с. 46). Так что и в данном плане «жесткие» индексы имеют определенные преимущества.

Первичные индексы рассчитывались на базе удельных показателей, т. е. соотнесенных с численностью населения. Все значения показателей переводились в баллы от 1 до 10 (чем выше балл, тем выше значение соответствующего индикатора психологического состояния общества). Нормализация – перевод показателей в баллы – осуществлялась на основе сопоставления показателей по России с аналогичными показателями более развитых стран (согласно классификации ООН), разрабатываемыми соответствующими международными организациями. Первичный индекс – нормализованная оценка показателя в баллах от 1 до 10 – рассчитывался по формуле:

$$Y = 9 \cdot \frac{V_{\max} - V_y}{V_{\max} - V_{\min}} + 1,$$

где V_y – значение конкретного показателя для России за определенный год, V_{\max} – максимальное значение показателя среди стран данной группы в течение рассматриваемого периода, V_{\min} – минимальное значение соответствующего показателя в указанном международном контексте. Вторичные индексы и композитный индекс рассчитывались как среднеарифметическое индексов более низкого порядка.

Обнаружилась высокая корреляция первичных индексов между собой, т. е. *высокая согласованность различных показателей психологического состояния общества* (см. таблицу 1).

Высокая корреляция между первичными показателями свидетельствует об их взаимовлиянии. Одновременно она означает правомерность их объединения и рассмотрения в качестве выражения единого целого – психологического состояния общества. Факторный анализ подтверждает этот вывод (см. рисунок 2).

Первый фактор объясняет почти 72 % дисперсии и удовлетворяет критерию Кайзера – преодолевает порог собственного значения в 1,0. Таким образом, макропсихологические индикаторы образуют структуру с выраженным генеральным фактором. Двухфакторное решение хотя и не достигает уровня статистической значимости, но заслуживает внимания и поддается однозначной содержательной интерпретации. По первому фактору оказываются нагруженными все параметры, за исключением одного – числа разводов, которое проявляет себя как единственный параметр, имеющий высокую нагрузку по второму фактору.

Таблица 1. Коэффициенты корреляции (Пирсона) первичных показателей

Показатель	Показатель					
	Коэффициент заболеваемости психическими расстройствами и т. п.	Коэффициент смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств	Коэффициент смертности от самоубийств	Коэффициент разводимости	Удельное число детей и подростков без попечительства родителей	Коэффициент смертности от убийств
Коэффициент заболеваемости психическими расстройствами и т. п.		0,581*	0,646*	0,41*	0,97***	0,664*
Коэффициент смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств	0,581*		0,756**	0,492*	0,684*	0,865**
Коэффициент смертности от самоубийств	0,646*	0,756**		0,284	0,716**	0,905***
Коэффициент разводимости	0,41*	0,492*	0,284		0,434*	0,57*
Удельное число детей и подростков без попечительства родителей	0,97***	0,684*	0,716**	0,434*		0,725**
Коэффициент смертности от убийств	0,664*	0,865**	0,905***	0,57*	0,725**	

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

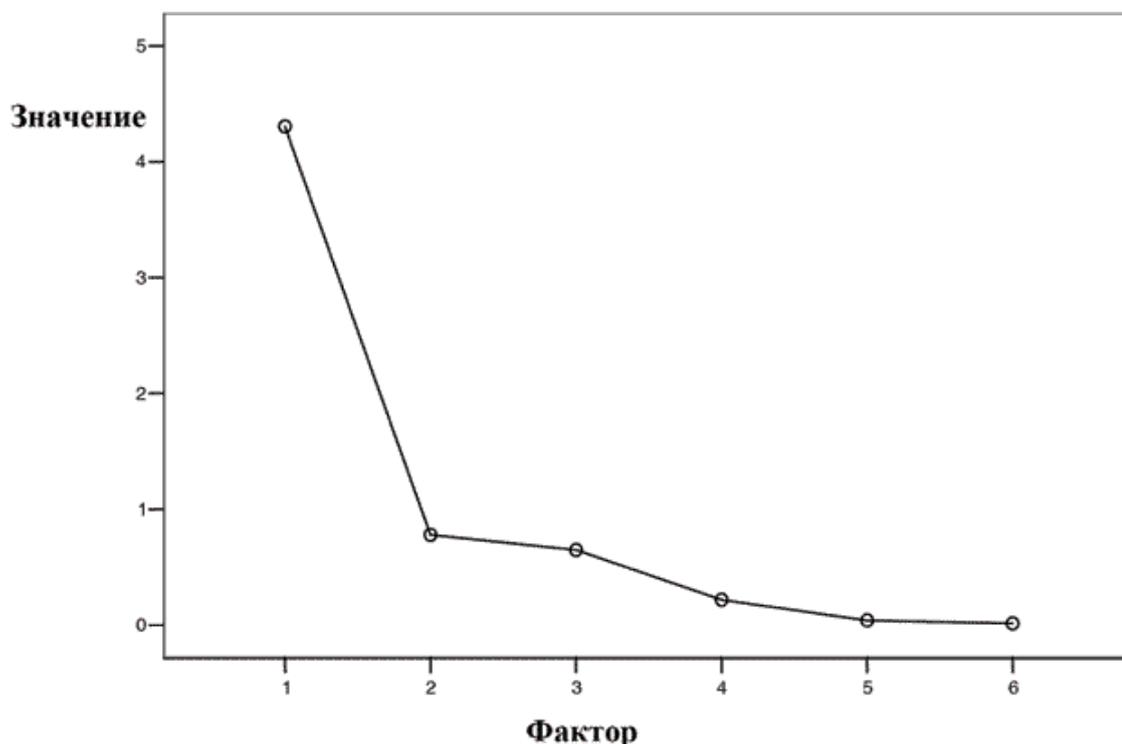

Рис. 2. Собственные значения факторов в факторном анализе компонентов композитного индекса психологического состояния общества

Был проведен также дополнительный анализ динамики индекса психологического состояния общества. Исходное предположение состояло в том, что, возможно, некоторые параметры, вошедшие в индекс, быстрее реагируют на изменение этого состояния, чем другие. Для проверки этого предположения была подсчитана регрессионная зависимость динамических характеристик составляющих индекса – ежегодного прироста или снижения их величины, а также прогнозируемого значения индекса (на следующий год). Наиболее сильным предиктором изменения индекса оказался такой параметр, как возрастание или уменьшение количества

убийств ($R^2=0,501$, $p<0,004$). Таким образом, изменение криминальной обстановки в обществе наиболее тесно связано с его психологическим состоянием.

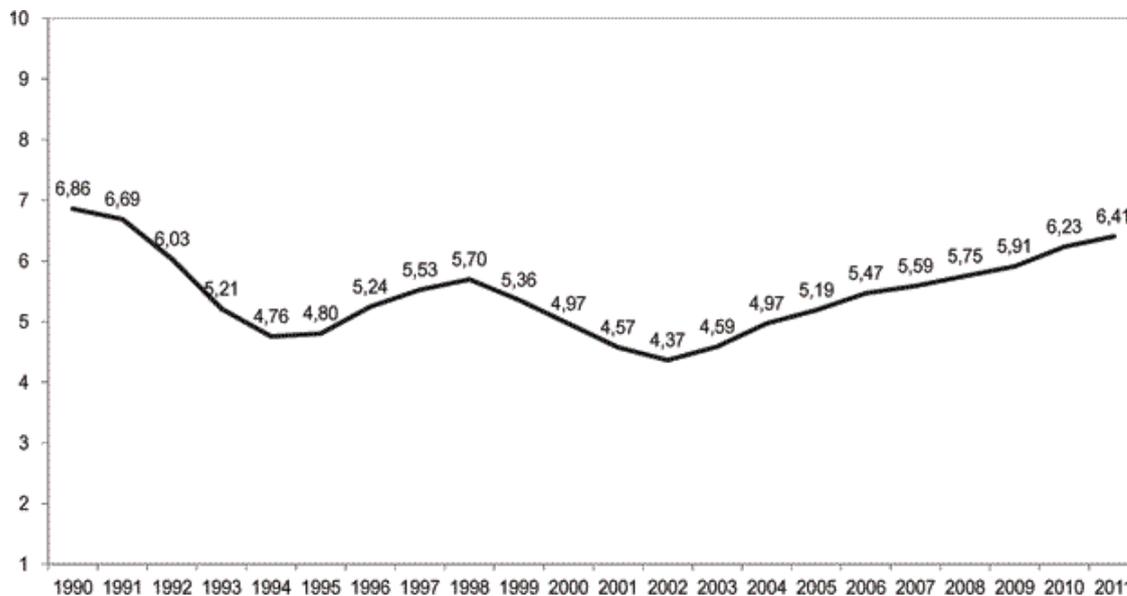

Рис. 3. Динамика психологического состояния российского общества в 1990–2011 гг. (в баллах)

В целом проведенный статистико-математический анализ позволяет сделать вывод, что все макропсихологические характеристики общества, объединенные композитным индексом, выражают взаимосвязанные стороны его психологического состояния, различающиеся, однако, по динамике их проявления. Некоторые из них быстрее откликаются на его изменение, другие же обладают большей латенцией.

Динамика психологического состояния России

Использование композитного индекса позволяет дать количественную оценку динамики психологического состояния нашего общества в годы реформ (см. рисунок 3).

Как видно из рисунка 3, психологическое состояние российского общества, оцененное с помощью композитного индекса, постоянно ухудшалось с 1991 по 1994 г., затем ежегодно улучшалось до 1998 г., впоследствии вновь ухудшалось до 2002 г., после чего обнаружило устойчивую тенденцию к улучшению (значение индекса за 2012 и 2013 гг. не было вычислено, ввиду того что соответствующие первичные статистические данные отсутствовали)⁵.

Подобную динамику несложно объяснить исходя из общих тенденций в развитии нашего общества и их преломления в психологическом состоянии населения. Радикальные социально-политические реформы, переход к рыночной экономике, «шоковая терапия» и т. п. вызвали дезадаптированность основной части населения к новому общественному устройству, приводя к ежегодному ухудшению его психологического состояния. Широко распространены такие характеристики первых лет реформ: «Попытки вторгнуться в... источники мотиваций человека, навязывая ему иные, чуждые цивилизационные накопления, пытаясь насильственно ассимилировать российскую цивилизацию в западную, подменить ценностные и поведенческие матрицы приводят только к стрессу, сопротивлению, психологическому

⁵ Вообще следует отметить «запаздывающий» характер статистических данных, предоставляемых отечественными статистическими службами, что затрудняет расчет соответствующих индексов на основе новых данных.

дискомфорту» (Сулакшин, 2006, с. 46). Симптоматично и то, что в эти годы широкое распространение получил такой тип социальной идентификации наших сограждан, как «жертва реформ» (Гундаров, 2001). Приведем в данной связи и сделанный не психологом, а экономистом вывод о том, что «устойчивость социально-экономической системы обусловлена гомеостазом общества, достигаемым в процессе удовлетворения базовых человеческих инстинктов – самосохранения, самовоспроизводства (продолжения рода) и самореализации (самовыражения)» (Балацкий, 2005б, с. 43–44), который созвучен теории мотивации А. Маслоу (автор приведенного высказывания, правда, вспоминает в данной связи не теорию Маслоу, а традиции суфиев). Показательно и то, что наивысшими ценностями россиян в эти годы были социальная защищенность и возможность получить квалифицированную медицинскую помощь (Петренко, 2005), соответствующие потребности в безопасности в иерархии потребностей, разработанной Маслоу.

К 1994 г. произошла психологическая адаптация большей части наших сограждан к реформам, что выразилось в тенденции к улучшению его психологического состояния⁶, выявляемой и в других исследованиях. Например, применение семантического дифференциала продемонстрировало, что «после падения оценки по фактору „осмысленность бытия“, прошедшегося на четыре предыдущих года, 1995 год характеризуется некоторым подъемом по этому измерению» (Петренко, 2005, с. 387–388). «Можно полагать, – пишет В. Ф. Петренко, – что ощущения уныния и апатии, вызванные ломкой сложившегося уклада жизни и системы ценностей, постепенно сменяются адаптацией к условиям жизни и открытием новых возможностей для значительной части наших испытуемых (хочется верить – значительной части населения). Если эта тенденция верна, то возможен перелом (по крайней мере, психологический) в осмыслении людьми собственной жизни в постперестроечный период» (там же, с. 388).

Но в 1998 г. произошел дефолт, повлекший за собой ухудшение материального положения значительной части населения, а также нарастание недоверия к власти, массовое ощущение социальной нестабильности и др.⁷, и породивший новую волну ухудшения психологического состояния российского общества. Как пишут О. Н. Дудченко и А. В. Мытиль, «наметившаяся стабилизация, ставшая результатом завершения первой адаптационной волны, этим кризисом (т. е. дефолтом. – А. Ю.) была разрушена. Общество в очередной раз встало перед проблемой реадaptации» (Дудченко, Мытиль, 2001, с. 620). Ухудшение психологического состояния нашего общества продолжалось до 2002 г., когда ситуация в стране более или менее стабилизировалась и сформировались новые механизмы адаптации, после чего оно вновь стало улучшаться. Таким образом, психологическое состояние российского общества, измеряемое с помощью композитного индекса, отражало происходящие в стране изменения, вместе с тем обнаруживая некоторое отставание от экономических и социально-политических событий, требующих времени для адаптации к ним и их психологического «переваривания» населением.

При этом можно постулировать по крайней мере три взаимодополняющих механизма влияния происходящего в обществе на психологическое состояние его граждан. Первый механизм представляет собой *непосредственное воздействие*. Если человек сам становится жертвой реформ, дефолта, криминала и т. п., это воздействует на его психологическое состояние самым

⁶ Резонно предположить, что либо психологическая адаптация явилась следствием экономической и социально-политической адаптации, либо она носила самостоятельный характер (можно психологически адаптироваться, привыкать к реалиям, к которым трудно адаптироваться экономически), либо (и скорее всего) имело место и то, и другое. Следует также отметить, что, как показывают исследования, «ведущей компонентой адаптированности является не столько сегодняшнее позитивное самочувствие, сколько ощущение перспективности, „продолжительности“ благополучия» (Дудченко, Мытиль, 2001, с. 615), т. е. психологическое состояние человека.

⁷ Вследствие всего этого дефолт, в результате которого значительная часть наших сограждан потеряла не только деньги, но и веру в начавшуюся стабилизацию, было бы неверно считать чисто экономическим событием, что иногда делается. Его социальные и психологические последствия были ничуть не меньшими, чем экономические.

непосредственным и «материальным» образом. Второй механизм – это *воздействие через ожидания*. Человек может не стать жертвой социальных коллизий, не потерять деньги в банке, не соприкоснуться с криминалом и др., но в условиях высокой вероятности столкновения со всем этим жить в условиях постоянного страха, что тоже сказывается на его психологическом состоянии. Наконец, третий механизм *воздействия через переживания* происходящего в обществе на психологическое состояние его граждан связан с тем, что, даже если происходящее непосредственно не затрагивает нас, мы не относимся к нему бесстрастно. Ярким примером может служить переживание наблюдаемой нами несправедливости, всегда вызывающее острый психологический дискомфорт (Adams, 1965). С начала 1990-х нам постоянно приходится наблюдать не только несправедливость, но и всецелье криминала, коррупцию, детскую проституцию и многое другое, в условиях которых трудно пребывать в хорошем психологическом состоянии.

Несмотря на некоторое улучшение ситуации в стране в последние годы, именуемое словом «стабилизация», основные причины, вызывавшие тревогу россиян в 1990-е годы, сохранились и в начале 2010-х годов. В результате, хотя наметилась тенденция к улучшению психологического состояния нашего общества, оно оставалось далеко не удовлетворительным и уступало психологическому состоянию большинства других европейских стран (см. рисунок 4).

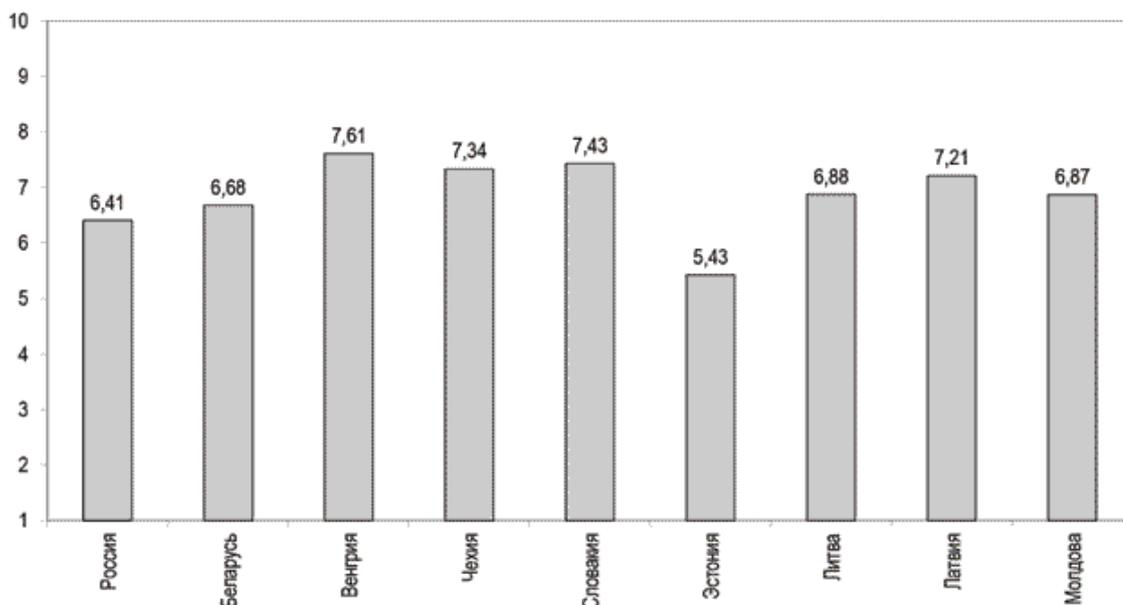

Рис. 4. Композитный индекс психологического состояния России в 2011 г. и зарубежных стран (в баллах)

Таблица 2. Индексы социального оптимизма, апрель 2005 г. (в %) (источник: Балацкий, 2005а)

	Россия	Казахстан	Белоруссия	Украина
Индекс социального оптимизма	3,4	14,7	3,7	6,4

Выявленная картина подтверждалась сравнительными данными об уровне *социального оптимизма* в четырех странах: России, Казахстане, Белоруссии (осуществивший данное сопоставление исследователь называет эту страну именно так) и Украине – естественно, до недавних событий в этом государстве (см. таблицу 2).

Прокомментируем представленное в таблице словами составившего ее автора: «Иерархия по уровню социального оптимизма такова: Казахстан, Украина, Белоруссия, Россия. Таким образом, среди россиян озабоченность будущим просматривается наиболее четко» (Балацкий, 2005а, с. 53). Далее он констатирует: «Выявленный разрыв в уровне социального оптимизма весьма значителен. Так, разница между соответствующими индексами для Казахстана и России составляет почти 20 п. п. (процентных пунктов. – А. Ю.). Такое преимущество одной страны над другой следует классифицировать как принципиальное» (там же). Основываясь на полученных данных, автор делит страны Единого Экономического Пространства на две категории: страны с доминированием социального оптимизма – Казахстан и Украина, и страны с доминированием социального пессимизма – Белоруссия и Россия.

Отметим в данной связи, что мы, россияне, традиционно сравниваем себя с Западом, именно его используя в качестве точки отсчета при оценке происходящего в нашей стране; как правило, выносим пессимистические оценки, однако при этом имплицитно допускаем, что в бывших «братских республиках» положение дел еще хуже, чем у нас. Приведенные данные демонстрируют, что это допущение ошибочно, и в плане социального оптимизма нам далеко не только до стран Запада, но и до Казахстана.

Отсутствие линейной связи между экономическим и психологическим состоянием общества обнаруживается также при соотнесении динамики соответствующих индексов (см. рисунок 5).

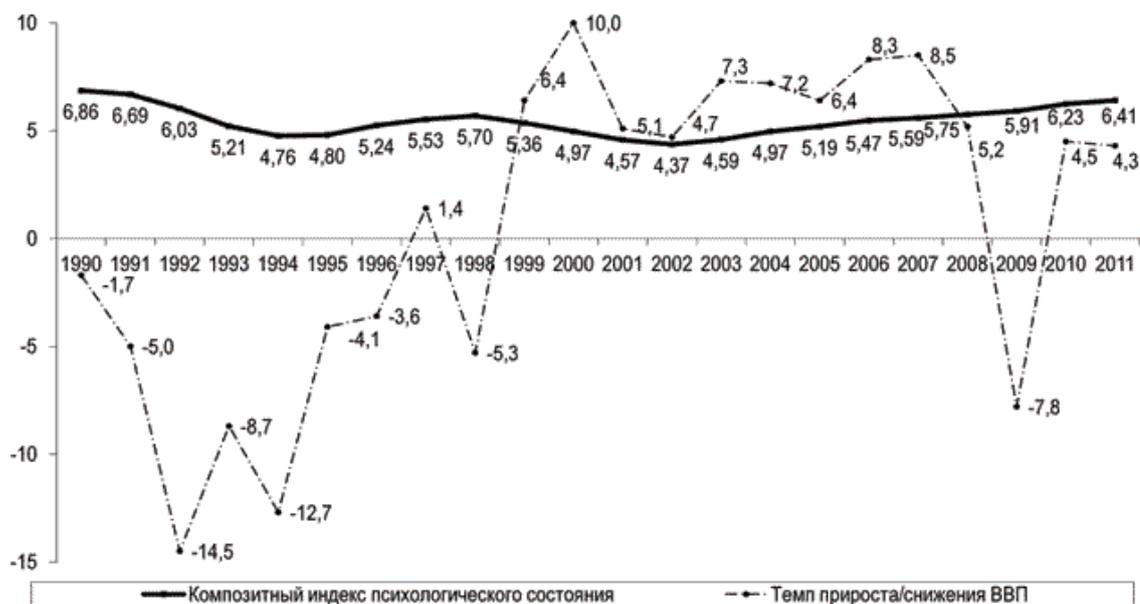

Рис. 5. Композитный индекс психологического состояния российского общества в соотнесении с темпами прироста/снижения ВВП

Как видно на рисунке 5, сопоставляемые индексы обнаруживают существенно различную динамику. Так, с 1992 по 1993 гг. увеличение значения нормализованного индекса прироста ВВП (не путать с фактическим темпом прироста ВВП) сочеталось со снижением индекса макропсихологического состояния общества, то же самое происходило в 1998–2000 гг., а в 1997–1998 гг. наблюдалась обратная картина. Это служит очередным опровержением «экономического детерминизма», а также свидетельствует о том, что, во-первых, рост макроэкономических показателей далеко не всегда сказывается на жизни основной части населения, во-вторых, экономические улучшения в обществе не сразу вызывают позитивные социальные и психологические изменения, в-третьих, психологическое состояние общества отражает не только его экономическое состояние, но и многое другое.

Второе из сделанных утверждений может быть сформулировано в качестве общей закономерности. В частности, «экономические последствия, как показывает опыт западных стран, нивелируются гораздо быстрее, чем последствия социальной дезадаптации личности» (Журавлева, 2001, с. 509). В результате трудно ожидать высокой жизнеспособности и психологического благополучия общества, демонстрирующего ежегодный рост ВВП, однако живущего в условиях криминализации, экономической и политической нестабильности⁸, социальной и физической незащищенности большинства граждан, деградации морали и т. п. Трудно не согласиться и с тем, что «ранее свойственное большинству ощущение стабильности у многих сменилось чувством безысходности, угнетения, некой социальной отверженности» (Козырева и др., 2001, с. 245), хотя, конечно, вывод о том, что «в России... феномен ощущения стабильности своего положения отсутствует» (Дудченко, Мытиль, 2001, с. 618), выглядит преувеличением. Исследование основных страхов и тревог россиян демонстрирует, что среди таковых первые места занимают не только страх нищеты, но и тревоги, порождаемые беззаконием, криминализацией, национальными конфликтами и др. (Шубкин, Иванова, 2001).

Таблица 3. Коэффициенты корреляции композитного индекса психологического состояния российского общества с его социальными и экономическими показателями

Социальные и экономические показатели	Коэффициент корреляции Пирсона
Естественный прирост населения	0,958***
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	-0,907***
Число зарегистрированных преступлений	-0,740**
Темпы прироста/снижения ВВП	-0,415*
Ожидаемая продолжительность жизни	0,943***
Численность больных алкоголизмом, зарегистрированных с диагнозом, установленным впервые	-0,963***

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Впрочем, было бы неверным умалять значимость макроэкономических показателей и их влияния на психологическое состояние общества. В частности, обнаружилась очень высокая, имеющая очевидный социальный смысл, отрицательная корреляция ($r = -0,91$) между этим состоянием и коэффициентом Джини (см. таблицу 3), выражающим различия в уровне доходов десяти самых богатых и десяти самых бедных процентов населения. Таким образом, если сами темпы прирастания «общего пирога» – ВВП – мало влияют на психологическое состояние основной части населения, то способы и результаты распределения этого «пирога» влияют очень значительно, и чем больше диспропорция в уровне доходов, тем хуже психологическое состояние общества.

⁸ По данным опросов, двумя самыми «болевыми» проблемами нашего общества являются экономическая и политическая нестабильность и материальное положение семьи (Балацкий, 2005а).

Повышение жизнеспособности общества

Выявленная с использованием композитного индекса динамика психологического состояния нашего общества согласуется с картиной, полученной на основе других показателей. Так, например, социологическое исследование динамики *социального самочувствия* наших сограждан с помощью соответствующего индекса, включавшего подиндексы: 1) статусной идентификации, 2) удовлетворенности и стабильности существования, позволило выявить отображенную в таблице 4 картину.

Сравнение индекса социального самочувствия россиян в 1994–2000 гг. – в период, за который он был вычислен социологами, – с индексом психологического состояния нашего общества демонстрирует, что они изменялись практически синхронно, показывая улучшение ситуации с 1994 по 1998 гг., ее ухудшение с 1998 г. по 2000 гг., после дефолта и, как считают социологи, вследствие него (Козырева и др., 2001), а после 2000 г. – вновь начавшееся улучшение. Вместе с тем имеется и различие, состоящее в том, что индекс социального самочувствия «пошел на подъем» к 2001 г., в то время как вычисляемый нами индекс сделал это позднее – в 2002 г. Очевидно, оба индекса улавливают схожие тенденции, однако использованный социологами более «мягкий» индекс, видимо, более чувствителен к ним, фиксируя изменения, которые проявляются на уровне статистических показателей, лежащих в основе нашего индекса, несколько позднее.

Таблица 4. Распределение респондентов по индексу их социального самочувствия (в%) (источник: Козырева и др., 2001, с. 248)

Социальное самочувствие	1994 г. (N=9168)	1995 г. (N=8708)	1996 г. (N=8342)	1997 г. (N=8669)	1998 г. (N=7568)
Очень плохое	8,0	7,6	8,0	8,5	6,6
Плохое	31,5	32,5	31,0	37,4	21,9
Среднее	35,5	33,9	34,9	32,6	35,4
Хорошее	19,6	20,4	20,7	17,2	26,5
Очень хорошее	5,4	5,6	5,7	4,3	9,7

Примечание: N – количество опрошенных.

Проведенное социологами исследование одновременно продемонстрировало, что в 1998 г. был зафиксирован самый высокий за рассмотренный ими период уровень обеспокоенности наших сограждан неопределенностью своего существования, что высвечивает одно из главных социально-психологических последствий таких экономических событий, как дефолт. В частности, 83 % опрошенных тогда выразили беспокойство по поводу нестабильности жизни (Козырева и др., 2001). Впрочем, следует отметить, что и в относительно благополучном, т. е. не отмеченном дефолтом, 1996 г. таковых было 78 % (там же), а массовое ощущение нестабильности жизни является одним из главных атрибутов современного российского общества, что подтверждается и данными других опросов.

Отметим и то, что, хотя социологи в начале 2000-х годов констатировали «некоторое «просветление» общего эмоционального фона в обществе» (там же, с. 250), полученные ими данные демонстрировали, что надежду на изменения к лучшему выражали лишь 15–20 % наших сограждан. Сделанный этими исследователями вывод: «При всей неоднозначности

истоков и содержания пессимистического мироощущения, окрасившего сознание довольно больших масс населения, их неудовлетворенность жизненными переменами является основой для социально-психологического дискомфорта и ухудшения социального самочувствия» (с. 252), – выглядел не менее пессимистично, чем описанное ими мироощущение.

Результаты других исследований также подтверждают, что в 1990-е годы неудовлетворенность наших сограждан своей жизнью превратилась в одну из главных характеристик современного российского общества. Так, в 1999 г. полностью удовлетворенные составляли лишь 3,8 %, а скорее неудовлетворенные и полностью неудовлетворенные – 53,4 %. При этом 67,8 % опрошенных были не уверены или совершенно не уверены в своем будущем (Шубкин, Иванова, 2001), что, естественно, сказывалось на их психологическом состоянии. Еще более пессимистично, если не алармистски, звучит общий вывод, который делают авторы описанного исследования: «Почти две трети населения России находится в состоянии сильной тревоги. Цифры характеризуют катастрофическое сознание населения» (там же, с. 358). В дальнейшем, правда, количество россиян, удовлетворенных жизнью, возросло (что соответствует улучшению психологического состояния нашего общества, оцененного с помощью композитного индекса), по некоторым расчетам достигая 53 % (Балацкий, 2005б), а несколько позднее наблюдалась ситуация, когда «самочувствие россиян правильнее оценить как пограничное – „50х50“» (там же, с. 48), однако количество неудовлетворенных по-прежнему оставалось очень значительным⁹.

Имеет смысл сопоставить психологическое состояние нашего общества и с таким показателем, как количество случайных отравлений алкоголем (см. рисунок 6).

Сопоставление соответствующих показателей демонстрирует, что они тоже изменяются практически синхронно, т. е. ухудшение психологического состояния общества сопровождается увеличением количества алкогольных отравлений, имеющих летальный исход. Огромное количество смертей от фальсифицированного алкоголя, конечно, можно объяснить такими причинами, как его плохо контролируемое производство, аморальность значительной части отечественных предпринимателей, которым все равно, каким путем зарабатывать деньги, низкий уровень жизни наших сограждан, потребляющих наиболее дешевые и заведомо суррогатные спиртные напитки, и т. п. Однако сходная динамика количества отравлений спиртным и психологического состояния общества позволяет предположить, что свой вклад в эту печальную статистику вносит и психологическая безысходность, сопровождающаяся отсутствием заботы о своем здоровье. Улучшение же психологического состояния общества имеет следствием более бережное отношение наших сограждан к своему здоровью, что подтверждается и выявленной нами высокой отрицательной корреляцией между индексом психологического состояния российского общества и статистикой заболевания алкоголизмом ($r=-0,963$) (см. таблицу 3).

⁹ В рамках подобных общероссийских тенденций, естественно, обнаруживаются и различия между разными категориями респондентов. Так, в мужской выборке доля удовлетворенных выше, чем в женской. Среди факторов, определяющих удовлетворенность жизнью, для мужчин более значимы факторы, «непосредственно направленные на жизнеобеспечение», в то время как «женщины уделяют большее внимание личной безопасности, материальному положению, семейным отношениям, погодно-климатическим условиям жизни, экологии, социальной инфраструктуре и состоянию здоровья» (Балацкий, 2005б, с. 50). Богатые, разумеется, чаще довольны жизнью, чем бедные, хотя тоже не всегда довольны ею, что подтверждает широко известную формулу «не только в деньгах счастье», и т. п. (там же). Любопытно звучит и вывод относительно влияния мегаполисов на удовлетворенность жизнью: «Мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург) оказывают разрушительное влияние на все стороны удовлетворенности жизни людей. И наоборот, крупные городские поселения с численностью жителей более 0,5 млн человек оказывают благотворное воздействие» (там же, с. 51).

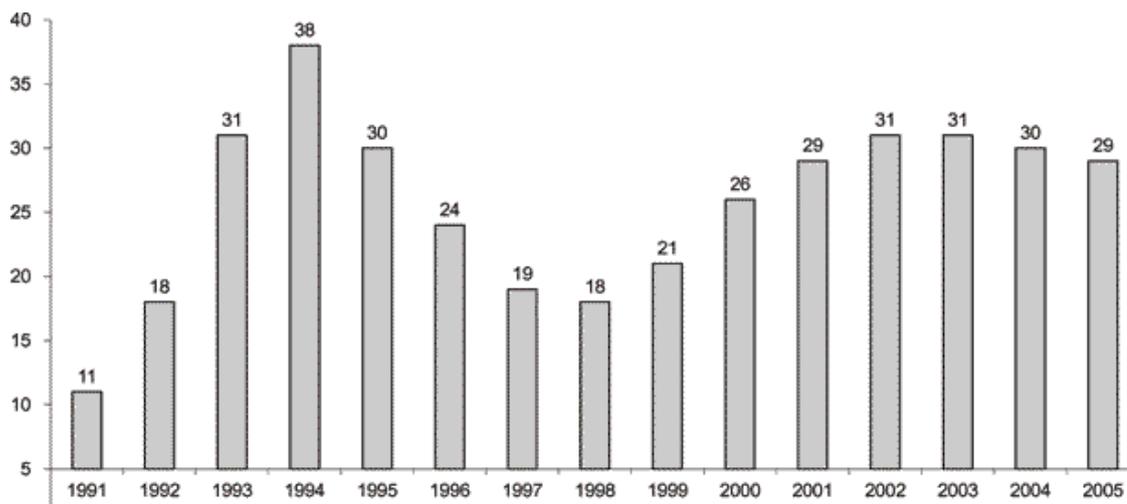

Рис. 6. Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100000 человек населения в 1991–2005 гг. (источник: Заиграев, 2001)

В пользу подобной интерпретации отравлений алкоголем говорит и тот факт, что в 1991 г. выбор спиртных напитков был куда более ограниченным, нежели, скажем, в 2000 г., цены на «благородные» напитки казались подавляющей части населения заоблачными, а в домах многих наших сограждан стояли самогонные аппараты, явившиеся закономерным порождением всеобщего дефицита и горбачевской антиалкогольной кампании. Однако травились спиртным тогда в два раза меньше, чем в 2000 г., когда дефицит алкогольных напитков уже стал преданием. Соответственно, основной причиной представляется не доступность спиртного, а отношение населения к своему здоровью, изменяющееся пропорционально психологическому состоянию общества.

Аналогичные закономерности проявляются при сопоставлении индекса психологического состояния общества с заболеваемостью алкоголизмом и наркоманией (см. таблицу 3). Таким образом, вывод о том, что «особенности современных социально-экономических процессов в России способствует интенсивному развитию маргинальности и соответственно – росту наркотизации» (Позднякова, 2001, с. 543), может быть дополнен утверждением, что наркотизации, равно как и возрастанию потребления спиртного, содействуют не только отмеченные социально-экономические процессы, но и психологическое состояние нашего общества. В данной связи уместно упомянуть также данные социологов о том, что алкоголизму, наркомании и суицидам во многом способствует такая характеристика общества, как низкий уровень социальной защищенности граждан (Мозговая, 2001), а также социальное недовольство. Как пишет Ю. А. Красин, «протест выражается в уходе из общественной жизни в сферу криминала, в наркоманию, алкоголизм, мистику и религиозный фанатизм. Подобная форма протеста не менее губительна, чем та, которую поэт назвал „бунтом бессмысленным и беспощадным“» (Красин, 2006, с. 974).

Разумеется, неудовлетворительное психологическое состояние современного российского общества имеет и политические последствия. Так, например, в 1994 г., на первом пике его ухудшения, 43 % россиян считали, что в нашей стране нет условий для демократии, поскольку принципы западной демократии не совместимы с российскими традициями. С 1989 г., когда страна переживала «демократическую эйфорию», по 1996 г., когда «демократический подъем сменился усталостью и апатией» (Красин, 2006, с. 975), доля сторонников сосредоточения власти в сильных руках возросла с 42 % до 68 %, т. е. до явного большинства населения (Вебер, Галкин, Красин, 2001). В 1998 г., на втором пике ухудшения психологического состояния россиян, более четверти опрошенных (26,5 %) высказались за диктатуру (там

же). Аналогичные результаты демонстрируют и другие опросы, систематически проводимые отечественными социологическими центрами, а также психологические исследования (Шестопал, 2002; и др.). А в середине 1990-х годов недовольные общим курсом развития страны («сбились с пути» и т. п.) составляли абсолютное большинство (Кинсбургский, 2001). При этом и после избрания Президентом В. В. Путина, с которым была связана во многом оправдавшаяся надежда на стабилизацию в стране, доля недовольных, считавших, что «события ведут нас не туда, в тупик», стабильно превышала 50 % (там же). Вплоть до 2000 г. нарастал и т. н. «политический абсентеизм», выразившийся в росте количества воздерживающихся от участия в выборах и являющийся одним из главных показателей массовой апатии, недоверия к власти и политическим институтам (Вебер, Галкин, Красин, 2001).

В данной связи уместно вспомнить многократно подтвержденный и описанный в учебниках политологии факт, состоящий в том, что даже для жителей западных стран демократия не является абсолютной ценностью, а воспринимается в зависимости от того, что она дает каждому из них (The handbook of political action, 1981; Political psychology, 1986; и др.). Если человек не ощущает позитивных последствий демократии *для себя лично* или если ее негативные проявления в его личной жизни перевешивают позитивные, то она постепенно утрачивает свои позитивные ассоциации – со свободой, человеческим достоинством и др. – и начинает восприниматься в негативном свете. Это происходит и в нашей стране, где взывание политиков к самоценности демократии и попытки оживить в народной памяти ужасы тоталитаризма все чаще звучат как глас вопиющего в пустыне.

Таким образом, несмотря на проявляющиеся в последние годы позитивные тенденции, психологическое состояние нашего общества, оцениваемое с помощью композитного индекса, остается неудовлетворительным, что подтверждается и другими данными. Улучшение экономических показателей и такие предпринимаемые властными органами меры, как национальные проекты, пока мало сказываются на нем. Отсутствие радикального улучшения психологического состояния наших сограждан неизбежно повлечет за собой возрастание массовой аномии, социально-политической пассивности, недоверия к власти, а также нарастание алкоголизма, наркомании, дальнейшее сокращение численности населения и т. п. Для того чтобы переломить подобные тенденции, самого по себе экономического роста явно недостаточно, необходимы радикальные и эффективные меры по улучшению психологического состояния россиян и целенаправленное воздействие на факторы, его ухудшающие. Очевидно, пришло время признать неадекватность «экономического детерминизма», существенно изменить лежавшие в основе наших реформ представления об обществе и разворачивающихся в нем социальных процессах. Опыт развития нашей страны в течение 15 лет реформ убедительно продемонстрировал, что «кажущиеся выгоды курса на достижение экономической эффективности любой ценой закладывают мины замедленного действия под долгосрочные перспективы развития» (Вебер, Галкин, Красин, 2001, с. 196). Более адекватная стратегическая цель – «создание жизнеспособного общества в жизнеспособной, экологически устойчивой среде» (там же, с. 196) – предполагает признание важности психологического состояния общества.

Следует также отметить, что экономические меры по стимуляции рождаемости (пособия матерям и др.), как показывают расчеты, увеличивают ее не более чем на 15 %. При этом «заметно, что в целом власть понимает, что общественные и личностные ценности тоже важны, но в части решений и выбора управленческих действий в основном все вновь и вновь сводится к социально-материальному фактору. Однако ответа на вопрос, почему не проектируются государственно-управленческие действия по воздействию на все, в том числе иные, факторы, – до настоящего времени не находится» (Сулакшин, 2006, с. 23).

Намерение родить ребенка предполагает психологически сложное решение, как правило, принимаемое в условиях *психологического благополучия* семьи (Бойко, 1985). Психологиче-

ское состояние нашего общества обнаруживает очень высокие корреляции с естественным приростом населения ($r=0,96$) и со средней продолжительностью жизни ($r=0,943$) (см. таблицу 3). Таким образом, *одной из главных причин сокращения численности населения России является психологическое состояние нашего общества*. Пока оно радикально не улучшится, трудно ожидать преодоления этой тенденции.

Глава 2. Экспертная оценка психологического состояния России

Методология экспертного опроса

В методологии современной социогуманитарной науки все более прочное закрепление получает практика применения *социальных индикаторов*¹⁰, основанных на агрегированных количественных оценках различных характеристик социума. Различные социальные индикаторы активно используются и такими авторитетными международными организациями, как ООН, Статистическое бюро Европейского Союза (Eurostat), ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), Всемирный банк, Европейская комиссия, применяются практически всеми европейскими странами, а также США, Канадой, Японией, Австралией, государствами Латинской Америки и Южной Африки.

В структуре социальных индикаторов важное место принадлежит психологическим компонентам. Как отмечает Г. В. Осипов, «традиционный подход был дополнен субъективным, учитывающим психологическое благополучие людей, появились концепции качества жизни и функциональных способностей (*capabilities*)» (Осипов, 2011, с. 6). Индексы социальных настроений, социального оптимизма, удовлетворенности жизнью, социального самочувствия населения и др., вычисляемые социологами, имеют ярко выраженную психологическую составляющую. Такие индексы, как коэффициент витальности страны, используемые демографами (Сулакшин, 2006), исследования качества жизни, а также близких ему явлений – субъективного благополучия и др. (Biderman, 1970; Keltner et al., 1993), тоже имеют непосредственное отношение к психологии. Разработаны Индекс счастливой жизни, Индекс счастливой планеты, Индекс валового национального счастья (введенный четвертым королем Бутана и используемый в этой стране *вместо* показателя ВВП), позволяющие количественно оценивать казалось бы совсем неисчислимое – счастье (Степашин, 2008). Важно отметить, что подобные импульсы родились в *экономической* науке, где сложились такие направления, как «экономика счастья». В частности, «неудовлетворенность экономистов объяснительным потенциалом постулата максимизации прибыли привела к выдвижению в качестве цели экономической деятельности понятия „благополучия“, которое заменило в этой функции понятие „богатства“» (Осипов, 2011, с. 39)¹¹. При этом, например, «экономика счастья» во многом переворачивает традиционную логику экономических и социальных оценок, делая акцент на субъективном благополучии и *через* него оценивая качество объективных условий жизни людей. Основное отличие т. н. «вторичной» модернизации от «первичной» принято усматривать в том, что главной задачей является уже не просто развитие экономики ради удовлетворения материальных потребностей людей, а повышение качества жизни ради удовлетворения их потребностей в счастье и самовыражении.

¹⁰ Термин «социальные индикаторы» появился в США в начале 1960-х годов по инициативе Американской академии искусств и наук, которая выполняла заказ NASA. В 1970-е годы Правительство США стало регулярно публиковать соответствующие данные, был создан журнал *Social Indicators Research*, аналогичный подход был взят на вооружение международными организациями, такими как ООН и ОЭСР. Затем – в 1980-е годы – произошел некоторый спад интереса к ним, но в 1990-е началось его возрождение. Это случилось вследствие принятия международным сообществом программы устойчивого развития, а на смену разрозненным социальным индикатором пришли композитные, включающие различные компоненты, индексы (Степашин, 2008).

¹¹ Обычно называют шесть факторов благополучия: 1) физическое и психическое здоровье, 2) знания и умения, 3) работа, 4) материальное благополучие, 5) свобода и самоопределение, 6) межличностные отношения (Giovani et al., 2009). Трудно не заметить, насколько «психологизировано» это понятие, тоже зародившееся в экономической науке.

В самой психологической науке аналогичные подходы реализуются при оценке субъективного качества жизни, психологического потенциала населения (Зараковский, 2009), социального капитала, по сути, имеющего социально-психологическое наполнение (Татарко, 2011), причем, как отмечает Г. М. Зараковский, «принципиальным является переход от понимания сущности психологического потенциала индивида к пониманию сущности психологического потенциала социума» (Зараковский, 2009, с. 132).

Институтом психологии РАН разработан композитный индекс психологического состояния общества, а выявленная на его основе динамика психологического состояния современной России рассмотрена в предыдущей главе.

В русле достаточно общей для социогуманитарных наук установки на целесообразность комбинирования «жестких» индексов, вычисляемых на основе статистических данных, с результатами опросов¹², Институтом психологии РАН в 2011 г. был проведен *экспертный опрос*, направленный на выявление динамики психологического состояния нашего общества. Экспертам было предложено в анкетной форме оценить его психологическое состояние в 1981, 1991 (до распада СССР), 2001 и 2011 гг. Оценка производилась по 70 параметрам, 35 из которых выражали позитивные и 35 – негативные характеристики общества, отобранные в результате предварительных консультаций с экспертами. Многие из этих параметров имели отчетливо выраженный *нравственно-психологический* смысл. Каждый параметр оценивался по 10-балльной шкале, на которой «1» соответствовала минимальной выраженности соответствующей характеристики, «10» – ее максимальной представленности. В роли экспертов выступили 124 психолога, представляющие различные регионы и разнообразные научно-образовательные центры нашей страны. Эксперты отвечали следующим требованиям: 1) возраст, предполагающий, что эксперт способен дать оценку состоянию нашего общества в 1981 г. (соответственно, молодые психологи не входили в их число), 2) достаточно высокая квалификация – наличие ученой степени кандидата или доктора наук, 3) область профессиональной деятельности, релевантная макропсихологическим проблемам, и наличие соответствующих публикаций.

Естественно, учитывалось, что любой эксперт достаточно субъективен, особенно когда исследование затрагивает такие эмоционально «разогретые» проблемы, как состояние общества, частью которого он является, и сам подвержен влиянию психологических эффектов. Среди подобных эффектов следует в первую очередь учитывать следующие: 1) ностальгия, под влиянием которой прошлое часто видится в более благоприятном свете, нежели настоящее; 2) старение респондентов, способное оказывать аналогичное воздействие на их оценки; 3) утрата страны, в которой выросли и сформировались опрошенные, и соответствующего общества; 4) видение общего положения дел сквозь призму личной ситуации; 5) рост (с возрастом) профессиональных успехов и статуса респондентов; 6) восприятие психологических характеристик общества в связи с его социально-экономическим, политическим и т. п. состояниями; 7) принадлежность респондентов к одной профессиональной группе. Следует отметить и то, что оцениваемые характеристики общества в анкете не определялись (их определение едва ли изменило бы ситуацию), выглядели не вполне однозначно и при существовании некоторых инвариантов их понимания все же имели для разных экспертов несколько различный смысл.

В силу существования перечисленных и других подобных эффектов оценка экспертами динамики психологического состояния нашей страны во многом представляет собой их *субъективное восприятие* этой динамики, а также соответствующих характеристик общества, и проливает лишь ограниченный свет на реальную ситуацию. Однако такой же смысл имеют

¹² В частности, Комиссия по измерению экономической эффективности и качества жизни, созданная по инициативе Н. Саркози, рекомендует дополнить существующие индексы показателями психологического здоровья людей, их чувств и оценок, полученными в ходе опросов (Stiglitz et al., 2012).

любые экспертные опросы, направленные на оценку социальных ситуаций, при этом позволяя получить информацию об их объективном характере.

Негативная динамика

Даже с учетом сделанных оговорок полученные результаты (см. таблицу 5, рисунок 7) выглядят достаточно неожиданно. Если сравнить состояние нашего общества в двух крайних точках рассмотренного временного континуума – в 1981 и в 2011 гг., то следовало констатировать, что произошли нарастание всех без исключения негативных параметров и снижение подавляющего большинства позитивных. Лишь два позитивных параметра увеличили свои значения – рационализм и свобода, но и в этих случаях позитивная динамика не выглядит достаточно однозначной. Рационализм, видимо, был истолкован частью респондентов не как позитивная, а скорее как негативная характеристика общества, выражающая его алчность, меркантильность и т. п., а показатель уровня свободы обнаружил небольшой прирост (0,4) на рассмотренном интервале за счет его скачкообразного роста в 1991 г. (с 3,6 до 6,9) при последующем снижении.

Таблица 5. Оценка экспертами психологических характеристик российского общества в 1981–2011 гг.

Психологические характеристики	1981	1991	2001	2011	Изменение значения 2011/1981	Изменение значения 1991/1981
Агрессивность	3,30	5,45	6,55	7,23	3,93***	2,15*
Алчность	3,07	4,94	7,19	8,29	5,22***	1,87**
Альтруизм	5,97	5,48	3,32	2,61	-3,36***	-0,49
Аномия	4,28	4,73	6,23	6,90	2,62***	0,45
Апатия	6,13	3,23	5,35	7,10	0,97	-2,90***
Безответственность	4,93	5,4	6,43	6,63	1,70	0,47
Безыдейность	4,90	3,97	6,23	7,03	2,13*	-0,93
Бескорыстие	6,30	5,29	3,16	2,32	-3,98***	-1,01
Бесправие	6,03	5,19	6,81	7,55	1,52	-0,84
Беспринципность	4,67	4,77	7,03	7,74	3,07***	0,10
Бесцеремонность	4,33	5,77	7,06	7,42	3,09***	1,44*
Взаимопомощь	6,53	6,42	4,19	3,35	-3,18***	-0,11
Взаимопонимание	6,43	5,87	4,26	3,71	-2,72***	-0,56
Взаимоуважение	5,83	5,19	3,71	3,06	-2,77***	-0,64
Враждебность	3,23	5,26	6,42	7,26	4,03***	2,03**
Вседозволенность	2,50	6,23	7,06	6,77	4,27***	3,73***

Продолжение таблицы 5

Психологические характеристики	1981	1991	2001	2011	Изменение значения 2011/1981	Изменение значения 1991/1981
Грубость	4,27	5,06	6,71	7,19	2,92***	0,79
Дисциплинированность	6,40	4,16	4,23	4,13	-2,27**	-2,24**
Добросовестность	5,47	4,52	3,65	3,16	-2,31***	-0,95
Доброта	6,30	5,19	3,81	3,23	-3,07***	-1,11
Доверие	6,33	5,74	3,71	2,81	-3,52***	-0,59
Жестокость	3,63	5,45	6,74	7,48	3,85***	1,82*
Законопослушность	6,27	4,32	3,55	3,39	-2,88***	-1,95**
Злоба	3,13	4,97	6,03	6,71	3,58***	1,84**
Интеллектуальность	6,73	6,32	4,19	3,48	-3,25***	-0,41
Интеллигентность	6,28	5,40	3,30	2,73	-3,55***	-0,88
Искренность	5,37	6,13	4,10	3,13	-2,24**	0,76
Конфликтность	3,77	6,10	6,71	6,97	3,2***	2,33**
Креативность	5,60	6,39	5,16	4,26	-1,34	0,79
Ксенофобия	3,20	4,10	6,35	7,32	4,12***	0,90
Культура	6,77	5,71	4,00	3,48	-3,29***	-1,06
Ложь	5,87	4,97	6,32	7,19	1,32	-0,90
Мафиозность	3,40	5,81	7,84	8,00	4,6***	2,41**
Меркантильность	3,53	4,52	7,29	8,32	4,79***	0,99

Продолжение таблицы 5

Психологические характеристики	1981	1991	2001	2011	Изменение значения 2011/1981	Изменение значения 1991/1981
Мужество	5,30	5,97	4,52	3,94	-1,36	0,67
Наглость	3,43	5,35	7,00	7,65	4,22***	1,92*
Надежность	6,45	4,87	3,53	3,03	-3,42***	-1,58*
Напряженность	3,13	6,77	6,23	6,77	3,64***	3,64***
Насилие	3,27	5,58	6,87	7,29	4,02***	2,31**
Невоспитанность	4,23	5,19	6,74	7,16	2,93***	0,96
Ненависть	2,97	5,06	6,00	6,90	3,93***	2,09*
Необязательность	4,47	5,68	6,29	6,81	2,34**	1,21
Нравственность	6,21	5,33	3,73	3,03	-3,18***	-0,88
Оптимизм	5,27	6,9	4,52	3,16	-2,11**	1,63**
Отзывчивость	6,33	5,71	3,90	3,03	-3,3***	-0,62
Патриотизм	6,83	5,97	3,87	3,29	-3,54***	-0,86
Подлость	3,66	4,60	6,23	6,53	2,87***	0,94
Подозрительность	4,10	4,40	5,60	6,10	2*	0,3
Порядочность	6,14	4,90	3,73	2,93	-3,21***	-1,24
Психологическая безопасность	6,53	4,35	3,61	2,61	-3,92***	-2,18**
Пустословие	7,27	6,9	6,81	7,68	0,41	-0,37
Развязность	3,77	5,68	6,23	6,42	2,65**	1,91*
Рациональность	4,30	4,29	5,03	5,71	1,41*	-0,01

Продолжение таблицы 5

Психологические характеристики	1981	1991	2001	2011	Изменение значения 2011/1981	Изменение значения 1991/1981
Самоконтроль	5,45	3,97	4,13	4,40	-1,05	-1,48*
Свобода	3,60	6,90	4,97	4,00	0,40	3,3***
Сквернословие	4,03	5,37	6,77	7,33	3,3***	1,34
Скромность	6,55	4,63	3,27	2,70	-3,85***	-1,92*
Сочувствие	6,57	5,52	3,90	3,13	-3,44***	-1,05*
Спокойствие	6,93	3,61	3,52	3,35	-3,58***	-3,32***
Справедливость	4,37	4,19	2,77	2,45	-1,92*	-0,18
Страх	3,17	5,48	6,03	6,42	3,25**	2,31*
Тактичность	5,38	4,03	3,27	2,77	-2,61***	-1,35*
Тревожность	3,50	6,13	6,32	6,94	3,44***	2,63**
Трудолюбие	5,90	4,81	4,10	3,68	-2,22**	-1,09
Фамиллярность	3,45	5,4	5,87	5,83	2,38***	1,95***
Хамство	4,21	5,67	6,70	7,07	2,86**	1,46
Цивилизованность	5,47	4,68	4,13	4,13	-1,34	-0,79
Человечность	6,66	5,47	3,83	3,20	-3,46***	-1,19*
Честность	5,67	4,94	3,61	3,06	-2,61***	-0,73
Эгоизм	4,17	5,16	7,23	8,03	3,86***	0,99

Примечание: указаны значения каждой характеристики в баллах по десятибалльной шкале; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

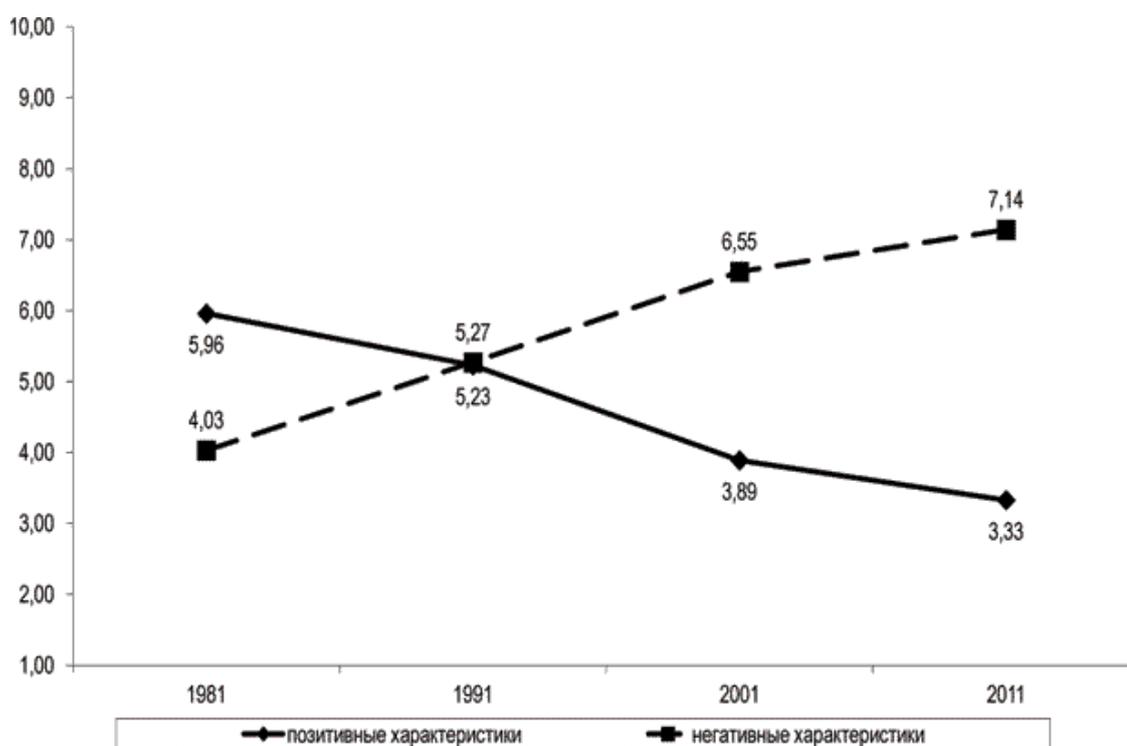

Рис. 7. Суммарная динамика позитивных и негативных психологических характеристик российского общества (по результатам экспертного опроса)

Среди негативных характеристик наиболее выраженную динамику обнаружили агрессивность, алчность, аномия, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, вседозволенность, грубость, жестокость, злоба, конфликтность, ксенофобия, ложь, мафиозность, меркантильность, наглость, напряженность, насилие, невоспитанность, ненависть, подлость,

сквернословие, тревожность, фамильярность, эгоизм. При этом самые высокие темпы прироста обнаружила алчность (5,22), меркантильность (4,79) и мафиозность (4,60).

По абсолютному значению показателей наиболее рельефными оказались такие негативные характеристики нашего общества, как агрессивность, алчность, апатия, безыдейность, бесправие, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, грубость, жестокость, ксенофобия, ложь, мафиозность, меркантильность, наглость, насилие, невоспитанность, пустословие, сквернословие, хамство и эгоизм, а самыми выраженными из них – меркантильность (8,32), алчность (8,29) и эгоизм (8,03).

Из положительных характеристик наибольшие «потери» понесли альтруизм, бескорыстие, взаимопомощь, взаимопонимание, взаимоуважение, добросовестность, доброта, доверие, законопослушность, интеллектуальность, интеллигентность, культура, надежность, нравственность, патриотизм, порядочность, психологическая безопасность, скромность, сочувствие, спокойствие, тактичность, честность и человечность. Самая большая разница значений 1981 и 2011 гг. была обнаружена по параметрам бескорыстия (3,98), психологической безопасности (3,92) и скромности (3,85). Показательно и то, что лишь по одному позитивному параметру – рационализм – наше общество оценивается экспертами на уровне выше среднего (5,7), причем этот параметр, как уже отмечалось, скорее всего, не был истолкован ими как однозначно позитивная характеристика. Правда, по некоторым из позитивных параметров экспертные оценки приближаются к среднему уровню: это дисциплинированность (4,13), креативность (4,26), самоконтроль (4,40), свобода (4,00), цивилизованность (4,13).

Следует отметить и то, что по ряду характеристик динамика психологического состояния российского общества была оценена экспертами как *линейная* – в основном как поэтапное ухудшение от 1981 к 1991 гг. и далее к 2001 и 2011 гг. (что, естественно, не исключает нелинейности внутри соответствующих 10-летних интервалов), по другим – как *нелинейная*. К числу последних принадлежат такие характеристики, как апатия, безыдейность, бесправие, вседозволенность, дисциплинированность, искренность, креативность, ложь, мужество, напряженность, оптимизм, пустословие, рациональность, самоконтроль, свобода, цивилизованность. В большинстве подобных случаев общим рисунком нелинейного изменения характеристик было их улучшение от 1981 к 1991 г., с последующим ухудшением. Подобная картина, по всей видимости, связана с тем, что в 1991 г. у наших сограждан *появились надежды*, которые впоследствии не оправдались. В результате этого ситуация 1991 г., невзирая на ее объективно тяжелый характер (неуправляемость страны, явные признаки ее приближающегося распада, острый дефицит товаров первой необходимости и т. п.), видится в более позитивном свете, чем положение дел в 2001 и 2011 гг. В частности, по мнению опрошенных, в 1991 г. мы были менее апатичны, менее бесправны и менее лживы, более искренни, креативны, мужественны, оптимистичны и свободны, чем в предшествующий и в последующие периоды.

Вместе с тем ряд характеристик при нелинейности их изменения не вписывается и в этот рисунок «ностальгии по 1991-му». Так, вседозволенность оценивается как максимальная именно в 1991 г., а впоследствии пошедшая на снижение, что тоже соответствует известной схеме восприятия: «Порядка стало больше». Уровень дисциплинированности видится как существенно снизившийся с 1981 по 1991 гг., затем несколько возросший к 2001 г., но потом опять понизившийся, правда, на незначительную величину. Напряженность характеризуется как максимальная в 1991 г., что было естественным в преддверии последовавших событий, потом несколько понизившаяся, но к 2011 г. опять повысившаяся и достигшая уровня 1991 г. Уровень пустословия оценен как поэтапно снижавшийся от 1981 к 2001 гг., но затем вновь возросший к 2011 г. и превысивший уровень 1981 г. Рациональность оценена как снизившаяся к 1991 г., но затем поэтапно повышавшаяся. Так же оценена и динамика самоконтроля. А цивилизованность нашего общества расценена экспертами как поэтапно снижавшаяся с 1981 к 2001 гг. и впоследствии «заморозившаяся» на этом уровне.

В результате факторного анализа полученных данных с применением ортогонального способа вращения (Varimax) нами были выявлены 4 главных фактора, объясняющие динамику позитивных характеристик нашего общества и условно названные: 1) благожелательность, 2) самоорганизация, 3) интеллектуальный потенциал, 4) пассионарность, а также 4 фактора, объясняющие динамику его негативных характеристик: 1) ожесточенность, 2) антисоциальность, 3) одичание, 4) опустошенность (см. таблицу 6).

Таблица 6. Результаты факторного анализа экспертных оценок

Позитивные компоненты (факторы)	Объясненная дисперсия (%)
1. Благожелательность	22,9
2. Самоорганизация	18,7
3. Интеллектуальный потенциал	17,8
4. Пассионарность	13,0
Негативные компоненты (факторы)	
1. Ожесточенность	31,9
2. Антисоциальность	16,8
3. Одичание	10,8
4. Опустошенность	10,3

Имеет смысл рассмотреть полученные данные и под углом зрения традиционного вопроса: «Какую страну мы потеряли?» (в психологическом плане). При этом сразу же бросается в глаза, что ответ на него будет совершенно различным в зависимости от того, отнесем мы этот вопрос к нашей стране 1981 г. или же 1991 г. – к более или менее безмятежной «эпохе застоя» или к куда более беспокойному времени «распада».

Советское общество 1981 г. по подавляющему большинству положительных характеристик получает оценку выше средней, а по основной части отрицательных – ниже ее, т. е. обрисовывается экспертами как в основном *психологически благополучное общество*. Исключения составляют лишь его оценки по таким параметрам, как апатия, бесправие, пустословие, рациональность, свобода и справедливость: при своем в целом благополучном характере оно оценивается как достаточно апатичное, бесправное, не свободное, не справедливое, иррациональное и склонное к пустословию. Наиболее же позитивно наше общество, каким оно было в 1981 г., выглядит в плане слабой выраженности ряда *негативных* характеристик – в первую очередь таких, как алчность, меркантильность, вседозволенность, агрессивность, злоба, жестокость, конфликтность, ксенофобия, мафиозность, наглость, ненависть, напряженность, подлость, развязность, фамильярность и страх. Группируя его характеристики, наше общество того времени можно представить как достаточно «доброе» и не меркантильное.

Что же касается психологического состояния нашей страны в 1991 г., то оно выглядит как переходное – от «доброты» к «злоте» обществу. В сравнении с 1981 г. его позитивные характеристики в большинстве своем приобретают меньшие, а негативные – большие значения. Боль-

шинство же оценок – как по позитивным, так и по негативным параметрам – находятся в районе средних величин, в численном выражении – от 4 до 5 единиц, а более радикальные оценки по обеим группам характеристик встречаются редко. Это значит, что в психологическом плане наше общество того времени характеризуется как не «доброе» по сравнению с 1981 г., но и не «злое» по сравнению с более поздними временами. Самые выраженные негативные сдвиги по сравнению с 1981 г. наблюдаются по таким параметрам, как напряженность, спокойствие и фамильярность. Вместе с тем наблюдается и улучшение по ряду параметров, таких как апатия, безыдейность, бесправие, искренность, креативность, ложь, мужество, пустословие, оптимизм и свобода: наше общество 1991 г. по сравнению с его состоянием в 1981 г. характеризуется как более честное, свободное, оптимистичное и т. д., что едва ли нуждается в комментариях.

В связи с сопоставлением экспертами психологического состояния России в 1981 и 1991 гг. следует в очередной раз подчеркнуть, что характеристика ее состояния в 1991 г. относилась к дореформенному периоду. Если воспринимать экспертные оценки как выражение объективной реальности, то они служат опровержением распространенной точки зрения, согласно которой радикальное ухудшение психологической атмосферы России явилось *результатом реформ*, которые принято отмерять от 1991 г. Согласно же мнению экспертов, радикальные психологические изменения произошли *до начала реформ* (хотя и продолжились в дальнейшем), став продуктом тех социально-политических, экономических и макропсихологических процессов, которые развернулись *не в 1990-е гг., а раньше*. Действительно, очевидные симптомы начала развала страны, ее неуправляемости, обострения межэтнических отношений, криминализации и легализации криминальных отношений, деградации морали, появления личности нового типа, ориентированной на деньги и их зарабатывание любыми, в том числе и криминальными, способами, и т. п. проявлялись уже как минимум в конце 1980-х годов, а реформы начала 1990-х годов были активно поддержаны населением, поскольку воспринимались им как путь к преодолению этой ситуации. Существенно подчеркнуть и то, что значительное приращение воспринимаемой свободы произошло к 1991 г., т. е. *еще при советской власти*, а в дальнейшем пошло на убыль.

В данной связи уместно вспомнить высказанную многими известными политологами (Kimmel, 1990; и др.) мысль о том, что *революции и другие радикальные социальные реформы, вопреки марксистской логике, являются реакцией не на отсутствие изменений (всевозможные «застои»), а на неудачные реформы более раннего периода*. (В частности, наша Октябрьская революция была предварена Февральской революцией и вызванной ею неуправляемостью страны.) Вместе с тем необходимо учитывать, что в подобных бифуркационных точках развития общества у него *всегда есть выбор*, и хотя такие идеологи отечественных реформ, как, например, Е. Т. Гайдар, постоянно подчеркивали, что в 1991 г. у нашей страны выбор отсутствовал и избранный ими сценарий был единственно возможным (Гайдар, 2006), представляется, что в действительности имелись другие, и притом позитивные, варианты развития событий; впоследствии это было признано даже такими зарубежными адептами радикальных рыночных реформ, как М. Фридман.

«Созидательный альтруизм» и «агрессивный эгоизм»

Аналогичный вектор психологических изменений нашего общества был зафиксирован другими исследователями, в том числе и социологами, в последние годы проявляющимися большой интерес к его социально-психологическим характеристикам, что очень симптоматично. Так, в 2005 г. ВЦИОМ предложил респондентам вопрос: «Как, на ваш взгляд, за последние 10–15 лет изменились качества людей, которые вас окружают?». По мнению опрошенных, у наших сограждан значительно усилились такие качества, как цинизм и «умение идти напролом», и существенно ослабли бескорыстие, патриотизм, верность товарищам, доброжелатель-

ность, душевность, взаимное доверие, честность и искренность (Чего делать нельзя..., 2012). Результаты другого опроса ВЦИОМ, проведенного в следующем, 2006 г., продемонстрировали, что, по мнению двух третей населения, в последние годы морально-нравственный климат нашего общества изменился в худшую сторону. А еще одно исследование показало, что на вопрос: «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?» в 1990 г. ответили утвердительно 34,7 % россиян, в 1999 г. – уже 22,9 %, в 2000-е годы – примерно столько же, т. е. уровень межличностного доверия в нашем обществе снизился в 1990-е годы, а затем оставался практически без изменения на довольно низком уровне, сопровождаясь также низким уровнем доверия социальным институтам (Татарко, 2011).

Аналогичную динамику обнаруживает и изменение *ценностных ориентаций* наших сограждан, выявленное Г. М. Зараковским (Зараковский, 2009), а Д. В. Сочивко и Н. А. Полянин на основе проведенного ими исследования дают такую характеристику социально-психологической атмосферы современной России: «Наша страна находится в том состоянии, которое Дюркгейм назвал «аномией», что объясняет возникновение многих современных социальных проблем: кризис нравственности и правового сознания, социальная нестабильность, политическая дезориентация и деморализация населения, падение ценности человеческой жизни, утрата ее смысла, экзистенциальный вакуум, цинизм, ценностный и правовой нигилизм. Как следствие, наблюдается рост агрессивных и преступных тенденций, прогрессирование отчужденности, повышенной тревожности, деформации правосознания в молодежной среде» (Сочивко, Полянин, 2009, с. 182–183).

При этом обнаруживаются существенные расхождения ценностных ориентаций различных социальных групп, в первую очередь, молодежи – «детей 1990-х и 2000-х», сформировавшихся как личности в эти годы, и «советских» поколений¹³. Так, в исследовании Н. М. Лебедевой показано, что в начале 2000-х годов приоритетными ценностями российских студентов были независимость, самоуважение, свобода, достижение успеха, самостоятельный выбор целей и др., а их преподавателей – ответственность, социальный и национальный порядок, мир на Земле, честность, уважение к старшим (Лебедева, 2000). Большие различия в ценностных ориентациях поколений выявлены и другими авторами (Зараковский, 2009; и др.), причем утверждается, что наша молодежь формирует и свою собственную мораль, в рамках которой, например, агрессивность является позитивным качеством, а наглость, развязность, бесцеремонность и т. п. объединяются тоже позитивным понятием «раскованность». Впрочем, и на констатацию «Каково общество – такова и молодежь» (Сочивко, Полянин, 2009, с. 200) трудно что-либо возразить, равно как и на утверждение о том, что «Рассчитывать на эффективную культурную самореализацию молодого поколения в больном обществе не приходится» (там же, с. 202).

Интерпретация полученных данных может быть построена вокруг двух принципиальных возможностей (а также их комбинации). Первая состоит в рассмотрении динамики психологического состояния России как *объективно* представленной сквозь призму его восприятия экспертами-психологами. В этом случае приходится признать, что: 1) эта динамика в целом негативна; 2) психологическое состояние современного российского общества очень неудовлетворительно; 3) нашему обществу в значительной мере свойственны такие характеристики, как агрессивность, апатия, безыдейность, несправедливость, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, грубость, жестокость, ксенофобия, ложь, наглость, насилие, невоспитанность, пустословие, сквернословие, хамство; 4) наиболее выраженными отрицательными характеристиками современного российского общества являются алчность, меркантильность и эгоизм. При этом, естественно, надо оговориться, что, даже при признании объективного

¹³ Отметим, что «конфликт поколений» в том или ином виде существует в любом обществе, но в своих экстремальных формах он тоже служит симптомом его психологического неблагополучия.

характера такой картины, «общество в целом» представляет собой абстракцию, любое реальное общество состоит из конкретных индивидов и различных социальных групп, подобная картина носит сугубо обобщенный, не учитывающий индивидуальные различия и многие другие нюансы характер.

Вторая принципиальная возможность в интерпретации полученных данных заключается в рассмотрении тех факторов, которые могли сдвинуть экспертную оценку в сторону негативизма. При этом следует учитывать, что среди названных выше психологических эффектов, таких как ностальгия и др., не все действуют именно в данном направлении. Например, наверняка многие из респондентов в 2011 г. имели более высокий уровень жизни, чем в 1981 и 1991 гг., обладали атрибутами благосостояния (квартиры, машины, дачи и т. п.)¹⁴, которых в прошлом не могли себе позволить. Поэтому соответствующие эффекты «сопряженности» психологических и социально-экономических оценок, а также придания личной ситуации более общего смысла могли бы приводить к более оптимистичному видению происходящего.

Влияние проекции личного на общее, безусловно, имеет место. Так, например, наверняка многие, если не все, опрошенные сами становились объектами хамства, агрессии, недобросовестности и других негативных явлений в нашем обществе и проецируют соответствующий личный опыт на его общую характеристику. Но, во-первых, они не были защищены от всего этого и в советские годы, во-вторых, вынесение общих оценок на основе подобного личного опыта является вполне объективным способом их формирования – от частного к общему. Правда, можно предположить, что более свежий негативный личностный опыт имеет большее влияние на такие оценки, чем более давний, особенно относящийся к периодам 30, 20 и 10-летней давности, но в таком случае трудно объяснить, почему более свежий *позитивный* опыт не оказывает такого же воздействия.

Возможно, в данном случае проявляется оценка, аналогичная той, что дают динамике нашего общества некоторые журналисты и общественные деятели: «Жизнь стала объективно лучше, но противнее».

Можно также предположить, что как чувствительность, так и требовательность граждан, в том числе и экспертов, к психологической атмосфере в обществе по мере удовлетворения их материальных потребностей возрастает. Следует иметь в виду и закономерность, состоящую в том, что с ростом уровня образования удовлетворенность в различных областях субъективного благополучия обычно снижается, а критичность к происходящему в обществе нарастает (Осипов, 2011). Это согласуется с теорией мотивации А. Маслоу, а также с хорошо известным фактом: неудовлетворенность основных материальных потребностей вынуждает концентрироваться именно на них, отгесняя на второй план психологические проблемы. Когда базовые материальные потребности основной части населения в целом удовлетворены (вынесем в данном контексте за скобки общеизвестные факты огромного имущественного расслоения нашей страны, наличия больших социальных групп, живущих за чертой бедности, и т. п.), на первый план выходят не экономические, а социальные и психологические проблемы, что согласуется с теорией А. Маслоу и с разработанными на основе той же логики теориями потребностей Е. Деси и Р. Райана (Deci, Ryan, 2000).

В этой ситуации важнейшее значение приобретает также дефицит смысло-жизненных ориентаций (в частности, отсутствие внятной национальной идеи). Когда цель жизни состоит в выживании и удовлетворении первичных материальных потребностей, отсутствие смысло-

¹⁴ Различные исследования показывают, что удовлетворенность наших граждан своим материальным положением с начала 2000-х годов в целом нарастает (Зараковский, 2009). Однако «как ни странно, несмотря на то, что, согласно данным государственной статистики, в течение 2004–2006 гг. экономическое благополучие населения в целом неуклонно повышалось, субъективное качество жизни россиян хотя и медленно, но снижалось» (там же, с. 98). Г. М. Зараковский объясняет подобный парадокс тем, что «По-видимому, на население негативно воздействует какой-то объективный психологический фактор» (там же) – «фактор-Х», как иногда называют такие «загадочные» детерминанты (Осипов, 2011).

жизненных ориентаций, согласно теории А. Маслоу, должно переживаться менее остро. Как полагает Г. М. Зараковский, в этом случае «качество жизни больше зависит от наличия личностного роста и наличия смысла жизни, чем от удовлетворения базовых потребностей» (Зараковский, 2009, с. 105). Он же формулирует вывод о том, что «наибольший вклад в обобщенный индекс удовлетворенности жизнью вносят не «материальные», а «психофизиологические» факторы (отношения в семье; дружба, общение; личная безопасность и безопасность семьи; состояние здоровья человека и членов его семьи). Наименьший вклад вносят такие факторы, как: экономическая и политическая обстановка в стране; творческая самореализация на работе и вне работы; социальная инфраструктура; экология» (там же, с. 110)¹⁵.

В данном плане заслуживают внимания исследования, демонстрирующие отсутствие прямой связи между материальным благополучием и такими показателями, как количественно измеренные «уровень счастья», субъективное качество жизни и др. По данным шведской компании «World Values Survey», первые места по субъективному качеству жизни занимают Венесуэла и Нигерия, а богатые западные страны им существенно уступают (Степашин, 2008). Большинство развитых стран имеют очень низкие показатели и по индексам счастья. Например, по Индексу счастливой жизни (или Счастливых лет жизни) – HLY – члены «восьмерки» распределились следующим образом: Италия – 66-е место в мире, Германия – 81-е, Япония – 95-е, Великобритания – 108-е, Канада – 111-е, Франция – 129-е, США – 150-е, Россия – 172-е (Marks et al., 2006).

Аналогичные данные были получены и в других исследованиях, продемонстрировавших весьма парадоксальную связь между объективным и субъективным качеством жизни (Diener, Suh, 1999). Широко известны также «парадокс Истерлина» и другие подобные феномены, состоящие в том, что субъективное благополучие не пропорционально уровню доходов в силу действия таких механизмов, как «гедонистический бег по кругу» (рост доходов сопровождается ростом уровня притязаний) и т. д. В результате, например, уровень доходов граждан США в период после Второй мировой войны непрерывно рос, а доля людей, считающих себя счастливыми, постоянно снижалась (Blanchflower et al., 2000). Во всех странах, где измерялись Индекс устойчивого экономического благосостояния (ISEW) и Истинный индикатор прогресса (GPI), значения этих индикаторов обнаружили нелинейную связь с размерами ВВП (Stiglitz et al., 2012). В некоторых странах, например, в Швейцарии, даже выявлена обратная связь между размером доходов и уровнем субъективного благополучия.

Все сказанное, конечно, не означает, что путь к счастью населения России лежит через его тотальное обнищание, равно как и то, что нашей стране следует делать акцент на неэкономические пути повышения субъективного благополучия ее граждан, что регулярно происходило в ее истории (их подчинение общей цели и т. п.). Вышесказанное, во-первых, понуждает к менее прямолинейному видению взаимоотношения экономических и психологических показателей, во-вторых, служит очередным опровержением «экономического детерминизма», который был очень характерен для отечественных реформаторов начала 1990-х, убежденных в том, что главное – «поднять» экономику, а все остальное «приложится». Последующие годы развития России и опыт других стран убедительно показывают: «Экономический прогресс не сопровождается автоматически прогрессом социальным, политическим, духовным. Высокий уровень материального благосостояния в обществе часто сопровождается ростом бездуховно-

¹⁵ Очень актуальным представляется и наблюдение Г. М. Зараковского о том, что с конца 1990-х годов к середине 2000-х в нашей стране существенно возросла численность заболеваний, в этиологии которых большую роль играют стрессогенные факторы (таких как заболевания системы кровообращения и органов пищеварения), в то время как количество заболеваний инфекционными и паразитарными болезнями, напротив, снизилось. Автор объясняет этот феномен в свете 1) расхождения адаптации к происходящему на сознательном и бессознательном уровнях и 2) «психофизиологических издержек» более активного образа жизни (в частности, многократной занятости и т. п.), необходимых для адаптации к новым экономическим условиям (Зараковский, 2009).

сти, аморализма, нарастанием социальных девиаций» (Осипов, 2011, с. 37). При этом «такие категории, как удовлетворенность жизнью, качество жизни, уровень развития человеческого потенциала, являются многофакторными и не связаны прямой зависимостью с ВВП» (там же).

Обобщая полученные данные и близкие по смыслу результаты других исследований, уместно вспомнить о том, что, когда общество становится более свободным, это приводит к высвобождению и в обществе, и в человеке не только лучшего, но и *худшего*, о чем систематически забывают реформаторы, осуществляющие либеральные реформы без должной осторожности. По-видимому, это произошло и с нашим обществом, ставшим, по мнению опрошенных, более злобным, наглым, развязным и приобретшим другие описанные выше негативные психологические характеристики. Естественно (напомним об этом в очередной раз), общество *в целом* – это абстракция, одни его представители такими стали, другие – нет, но у тех, кто не поддавался негативным тенденциям, подобные изменения окружения вызвали значительное ухудшение психологического состояния в виде потери чувства психологической безопасности и т. д. Однако удивляет то, что и некоторые позитивные качества, которые, казалось бы, должны были проявиться в результате либерализации, согласно полученным нами данным, пошли на убыль. Например, интеллектуальность и креативность, которые, как показывает опыт других стран, обычно стимулируются рыночной экономикой, согласно экспертным оценкам, в нашем обществе снизились. В то же время это не выглядит неожиданным, если принять во внимание специфику отечественного варианта рыночной экономики, ее не инновационный, а спекулятивно-сырьевой характер, который не предъявляет высоких требований к интеллекту и креативности, хотя и такая характерная для нее махинация, как строительство финансовых пирамид, требует креативности, но тоже достаточно специфической. Не выглядит сенсационным и снижение уровня ощущаемой свободы после 1991 г.: если свобода сочетается с хамством, злобой, наглостью, то она перерождается именно в свободу хамства (а также публичного сквернословия и т. п.), которая не имеет ничего общего с истинной, цивилизованной свободой.

Обсуждая полученные данные, отметим также, что даже возможность повышения негативности восприятия экспертами психологического состояния российского общества *в результате улучшения его экономического состояния* не делает проблему менее актуальной, а лишь обуславливает необходимость ее постановки в новой плоскости. Приходится признать, что: 1) позитивные изменения в экономическом состоянии общества автоматически не влекут за собой улучшение его психологического состояния, а могут, напротив, сопровождаться его ухудшением; 2) повышение уровня жизни и общая стабилизация в стране не заменяют человеку психологического комфорта и часто делают его отсутствие более чувствительным; 3) именно психологические проблемы общества выходят на первый план при улучшении экономической ситуации; 4) в этих условиях их решение должно относиться к числу приоритетов государственной политики.

Вместе с тем, как показано, например, Г. М. Зараковским, наши властные структуры психологическому состоянию страны практически не уделяют внимания. В частности, «действующие сейчас национальные проекты и другие предпринимаемые властными институтами меры вряд ли будут достаточно эффективными, поскольку не подкреплены действиями, направленными на повышение психологического качества населения, несмотря на то, что в выступлениях президента РФ, в программе фактически правящей партии „Единая Россия“ много говорится о человеке как основной движущей силе социально-экономического развития» (Зараковский, 2009, с. 275). В то же время было бы неверно и несправедливо во всем возлагать ответственность лишь на власть, не учитывая, *каковы мы сами*, в какой мере мы выдержали испытание свободой, и что именно она в нас высвободила, а также игнорируя вопросы о том, культивирует ли власть в наших согражданах склонность к хамству, сквернословию и др.

Эмигрировавший в США выдающийся российский социолог П. А. Сорокин разделил членов общества на характеризующихся либо «созидательным альтруизмом», либо «агрессив-

ным эгоизмом» (Сорокин, 1992). Судя по изложенным выше и другим подобным данным, наша страна движется в направлении «агрессивного эгоизма» – в плане и преобладающих ценностных ориентаций, и нарастания числа личностей с соответствующим типом поведения. Это не только удручает в морально-нравственном отношении, но и создает серьезные и явно недооцениваемые стратегами отечественных реформ препятствия созданию инновационной экономики как нуждающейся в доминировании в обществе созидательных, а не агрессивно-стяжательных установок. В результате одним из главных условий инновационного развития России является радикальное изменение психологического состояния нашего общества.

Глава 3. Нравственное состояние современной России

Кризис морали

Несмотря на некоторые экономические успехи, внутривнутриполитическую стабилизацию и другие позитивные тенденции последних лет, общее состояние современного российского общества выглядит очень тревожным.

Так, количество убийств на 100 тыс. жителей в нашей стране сейчас почти в 4 раза больше, чем в США (где ситуация в данном отношении тоже очень неблагоприятна), и примерно в 10 раз превышает эти показатели в большинстве европейских стран. По количеству самоубийств наша страна в 3 раза опережает США, занимая второе место в Европе и СНГ, причем не только по общему количеству самоубийств, но и в среде молодежи в возрасте до 17 лет (в данном случае – после Казахстана)¹⁶. По индексу коррупции за шесть лет – с 2002 по 2008 гг. – наша страна переместилась с 71-го на 147-е место в мире, а общий объем коррупционного оборота в России оценивается экспертами в 250–300 млрд долларов в год. Численность жертв несчастных случаев, таких как случайные отравления алкоголем и ДТП, по числу которых мы занимаем 1-е место в мире, свидетельствует о безразличном отношении многих наших сограждан к своей и к чужой жизни¹⁷. В совокупности приведенные, а также другие подобные им данные выстраиваются в целостную картину (см. таблицу 7), которая свидетельствует о болезненном состоянии нашего общества.

Перечисленные в таблице 7 показатели дополняются другими данными, демонстрирующими, какое общество мы построили под красивыми лозунгами свободы и демократии: ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств и получают тяжкие телесные повреждения, от жестокости родителей страдают 2 млн детей, а 50 тыс. – убегают из дома, пропадают 25 тыс. несовершеннолетних, 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесённых мужьями; насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье; 12 % подростков употребляют наркотики; более 20 % детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в нашей стране; около 40 тыс. детей школьного возраста вообще не посещают школу; детское и подростковое «социальное дно» охватывает не менее 4 млн человек; темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности; в современной России насчитывается около 50 тыс. несовершеннолетних заключённых, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х годов (Анализ положения детей в РФ, 2007). В 2009 г. в нашей стране насчитывалось около 700 тыс. сирот (после Великой отечественной войны их насчитывалось меньше) и было совершено 106 тыс. преступлений против детей, 2 тыс. детей были убиты.

Количественные данные, в свою очередь, могут быть дополнены хорошо известными бытовыми примерами, выражающими состояние современного российского общества. При этом они отражают не только обилие негативных явлений: поражают не только сами подобные явления, но и терпимость нашего общества к ним, их восприятие значительной частью населения как привычных и непреодолимых. О. Т. Богомолов пишет: «Ежедневно сталкиваясь с вопиющими фактами беззакония и произвола, люди утрачивают остроту реакции на них,

¹⁶ При этом по ряду причин, таких как стремление родственников представить самоубийство в качестве несчастного случая, недоучет самоубийств в российских регионах составляет порядка 13 % (Мягков, Ерофеев, 2007). Наблюдаются и такие тревожные тенденции, как снижение среднего возраста совершающих самоубийства, совершение их все более жестокими способами и др. (там же).

¹⁷ Ежегодное количество жертв ДТП в современной России превышает потери нашей страны за все годы Афганской войны, а ситуация на наших дорогах характеризуется как «война на дорогах», «гражданская война» и т. п. (Максимова, 2007).

постепенно проникаются безразличием к происходящему» (Богомолов, 2008б, с. 19). Другой исследователь, К. Н. Брутенц, отмечает, что «россияне почти без всякого протеста и нравственного неприятия (курсив мой. – А. Ю.) выживают в условиях тотальной коррупции, всеохватывающего взяточничества, сопровождающего едва ли не каждый их шаг, разгула криминалитета» (Брутенц, 2008, с. 396–397). При этом, как констатирует В. Е. Семенов, «Создается впечатление, что ни в одной развитой стране мира нет ныне такой, нацеленной на моральную и физическую деградацию народа, свободной пропаганды пороков» (Семенов, 2008, с. 172), камуфлируемой под свободу и демократию. Так формируются *толерантность к злу*, способствующая его утверждению во все более бесчеловечных формах. Стираются грани между добром и злом, что запечатлено, например, в очень популярном в отечественных телефильмах образе «хороших» бандитов, пустившем глубокие корни в массовом сознании.

Таблица 7. Некоторые показатели состояния российского общества на 2011 г. (источники: Доклад о развитии человека, 2012; Российский статистический ежегодник, 2012; Transparency International, <http://www.transparency.org>, 2013)

Наименование показателя	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств на 100000 жителей	11,7	1-е место в Европе и Центральной Азии
Смертность от самоубийств на 100000 жителей	21,8	3-е место в Европе и Центральной Азии после Литвы и Казахстана
Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100000 жителей	11,4	1-е место в Европе и Центральной Азии
Смертность от дорожно-транспортных происшествий на 100000 жителей	13,5	1-е место в Европе и Центральной Азии
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	69,83	Предпоследнее место в Европе (перед Украиной)
Число детей, оставшихся без попечительства родителей на 100000 жителей	61,88	4-е место в Восточной Европе и Центральной Азии после Эстонии и Латвии, Литвы и Молдовы
Количество разводов на 1000 жителей	4,7	1-е место в Европе и Центральной Азии
Доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в браке (в%)	24,58	13-е место в Восточной Европе и Центральной Азии
Число зарегистрированных преступлений, совершенных против детей и подростков, на 100000 жителей в возрасте 14–17 лет	241,1	7-е место в Восточной Европе и Центральной Азии
Число аборт на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	31,9	1-е место в Восточной Европе и Центральной Азии
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0,417	2-е место в Европе после Македонии
Индекс коррупции** (от 0 до 100 баллов, чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности)	28	133-я позиция в мире из 176 возможных (наряду с Гондурасом, Гайаной, Ираном и Казахстаном)

При всем разнообразии перечисленных явлений, а также процессов, характеризуемых приведенными выше статистическими данными, их можно подвести под общий знаменатель, которым служит, используя известное выражение Э. Гидденса, «испарение морали» в нашем обществе. О. Т. Богомолов отмечает, что «нарушения общественной морали, норм социальной справедливости, представлений о гражданской чести и ответственности встречаются у нас на каждом шагу» (Богомолов, 2008б, с. 19). К. Н. Брутенц дает такую оценку современного российского общества: «Наше общество в нравственном отношении нездорово. Оно, по крайней мере, в крупных городах – да и не только в них – в значительной мере развращено. Сегодня Россия – это страна, где взятка стала будничным делом, нормой жизни, почти не вызывающей протеста, где коррупция пронизывает государственный аппарат и сферу бизнеса, затрагивая то и дело рядового человека, впрочем, уже привыкшего к ней; где алкоголизм, наркомания, суицид служат «громоотводом», средством избавления от тягот беспросветной жизни, а социальные контрасты достигли ошеломляющего уровня; где права трудящегося человека плохо или вовсе не защищены; где криминал чувствует себя довольно свободно, а личная безопасность граждан далеко не обеспечена, где обитают миллионы беспризорных детей и подростков,

легион бомжей и проституток. Такая ситуация нетерпима, поскольку грозит распадом общества, его полной моральной деградацией» (Брутенц, 2008, с. 403).

Проявления безнравственности

«Испарение морали» наблюдается не только в «низах», но и в «верхах» – в высших эшелонах отечественной бизнес- и политической элиты: это коррупция, «пиры во время чумы» в виде показательных ярмарок предметов роскоши и т. п.

Поэтому закономерно, что, согласно результатам социологических опросов, падение нравов воспринимается нашими согражданами как одна из главных проблем современной России, «порча нравов» констатируется в качестве одной из худших тенденций (Левашов, 2007), а то обстоятельство, что, например, по данным Института Гэллага, около 80 % граждан США тоже считают, что моральный климат в их стране деградирует, едва ли может служить для нас утешением.

Крайне тревожное нравственное состояние современного российского общества проступает во многих социологических и психологических исследованиях. Часто констатируется и антагонистическое противостояние двух видов морали – морали богатого меньшинства и бедного большинства (Левашов, 2007), хотя, конечно, видов морали и их «антагонистических противостояний» в нашем социуме можно обнаружить намного больше.

Социологические исследования высвечивают контраст между российскими и европейскими нормами поведения в общественных местах. И. В. Щербакова и В. А. Ядов изучали такую форму проявления вежливости, как придерживание двери в метро идущему следом пассажиру, жителями Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и Будапешта. Наихудшие показатели продемонстрировали москвичи, а наилучшие – жители Будапешта, причем в Будапештском метро это чаще всего делала молодежь, а у нас – люди среднего и пожилого возраста (Щербакова, Ядов, 2007).

Канадские социологи в 2006 г. провели исследование, продемонстрировавшее, что по частоте случаев *helping behavior*, выражающегося в готовности помочь ближнему, Москва замыкает список из 48 городов мира (Щербакова, Ядов, 2007). Другие сравнительные исследования бытовой культуры также демонстрируют высокий уровень хамства, агрессивности и ненависти в нашем обществе, причем наблюдается тенденция к «брутализации», т. е. к еще большему ужесточению нашей общественной жизни (закономерно, что термин «брутализация» занимает видное место в терминологическом аппарате отечественной социологии).

Получены данные о том, что в нашей стране намного больше, в сравнении, например, с США, респондентов, утвердительно отвечающих на вопрос о том, «может ли человек нарушать закон и при этом быть правым?». Число же считающих, что законы нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах, т. е. подлинно законопослушных (по крайней мере, на словах), с начала 1990-х годов практически не менялось и в начале 2000-х составляло 10–15 % (Воловикова, 2004). В отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация происходит в основном через воспроизводство принятых в обществе норм и законов, в нашей стране этот процесс либо «застревает» на начальной стадии, где послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо сразу «проскакивает» к высшему, характеризующемуся опорой на высшие этические принципы и совесть (там же)¹⁸. Аналогичные результаты дает изучение

¹⁸ М. И. Воловикова, получившая эти результаты, опирается на классификацию Л. Колберга, который выделил 3 стадии освоения человеком моральных норм: 1) их соблюдение из страха наказания, 2) следование им из подражания другим – потому что все так делают, 3) соблюдение под влиянием внутренних этических принципов (Kohlberg, 1977). Идеи, аналогичные содержащимся в классификации Колберга, неоднократно высказывались и философами: еще Демокрит призывал «воздерживаться от проступков не в силу страха, а из чувства долга» (цит. по: Дробницкий, 2008, с. 252). О. Г. Дробницкий так описывает механизм «интернализации» морали: «Индивид постепенно как бы вбирает в себя общественное осуждение и одобрение и сам становится их проводником» (там же).

моральных суждений младших школьников, которые считают основными причинами совершения поступков страх наказания и сочувствие, причем за последние 70 лет эта схема объяснения мало изменилась (Кравцова, 2005). Зато изменилось другое: опросы демонстрируют снижение численности граждан, для которых приоритетными ценностями являются честность, порядочность, трудолюбие (Елецкая, 2009; и др.).

Социологи констатируют, что «сегодня, в условиях интенсивной экспансии уголовно-криминальной субкультуры в обыденную жизнь россиян, у социума остается немного каких-либо социальных ограничителей, позволяющих противостоять этой экспансии. Нормативная система преступного мира, активно ретранслируемая через СМИ и продукцию массовой культуры, находит благодатную почву в обществе, испытывающем дефицит социальных ценностей (ценностную аномию), а традиционное для российской культуры непочтительное отношение к формально-юридическому закону только облегчает такое „вторжение“: сегодня в представлении многих граждан именно воровской закон олицетворяет собой справедливость» (Преснякова, 2006, с. 50). Характерны и такие утверждения социологов: «Элементы криминальной субкультуры сегодня так или иначе присутствуют во всех сферах жизни российского общества – от повседневной жизни до правил организации экономической и политической «игры», от межличностных отношений до социальных институтов» (там же, с. 38); «криминальная субкультура в последние годы масштабно проникает и в массовый культурный продукт – художественные фильмы и сериалы, блатные песни, звучащие по радио, в ресторанах, кафе, транспорте, детективы и боевики (которыми завалены все книжные прилавки), даже в рингтоны для мобильных телефонов» (там же). По данным социологических опросов, больше половины наших сограждан систематически использует блатной жаргон (там же).

Симптоматичные результаты дали психологические обследования ограниченно вменяемых правонарушителей. Оказалось, что под словом «свобода» они понимают пребывание вне условий заключения под стражу и/или освобождение из мест лишения свободы, а в экзистенциальном плане они трактуют «свободу» как вседозволенность, как свободу от нравственного и государственного контроля (Кудрявцев, 2007). Налицо тенденция к экспансии такого понимания свободы на широкие слои нашего общества. Оно пустило глубокие корни в общественных настроениях, особенно в молодежной среде. Как подчеркивает В. А. Ядов, любой социальный порядок, любая социальная организация – это совокупность ограничений, заключающих индивида в пространство несвободы (Ядов, 2006).

Крайне тревожную картину высвечивают обследования современной российской молодежи, особенно «детей 1990-х», впитавших в свою психику атмосферу тех времен и характеризующихся такими качествами, как индивидуализм, завышенные притязания в сфере потребления, нежелание думать о будущем, нетерпимость к «моральным проповедям», неуважение к старшим, наглость, развязность, агрессивность и т. п. Некоторые молодежные субкультуры формируют собственные нравственные нормы, по- существу, антимораль, и весьма агрессивно отвергают моральные нормы старшего поколения. Для них, в частности, характерно отрицание статусных иерархий и авторитетов, что было свойственно атмосфере нашего общества в начале 1990-х, когда прежняя статусная иерархия рухнула, а новая еще не сложилась, а СМИ и либералы-реформаторы формировали отношение к нравственным принципам как к «пережитку» советских времен, как к предрассудкам, которые препятствуют свободе, бизнесу и т. д. (вспомним внедрившиеся ими в массовое сознание идеологемы: «Нравственность препятствует экономическому развитию», «Человек стоит столько, сколько он зарабатывает» и т. п.). Псевдолиберальная идеология начала 1990-х годов оставила свой след в психологии современной российской молодежи, хотя, к счастью, далеко не всей.

Исследования показывают, что сейчас молодежь ведет себя более свободно и раскованно, нежели в советские времена (Фень, 2007), однако эти свобода и раскованность часто перерастают в развязность и разнузданность. Симптоматично и то, что мат стал «рабочим дискурсом»

ее значительной части, в том числе и представительниц прекрасного пола. Особенно удручает студенчество, снижение интеллектуального и культурного уровня которого более чем очевидно и, по-видимому, неизбежно в условиях как общей нравственно-психологической атмосферы нашего общества, так и появления избыточного количества «доморощенных» вузов, куда больше озабоченных количеством платных студентов, нежели их моральным обликом и поведением.

Регулярно констатируются случаи проявления молодежью неуважения к старшим по возрасту и социальному статусу. Приобрел распространение такой феномен, как эйджизм, охватывающий негативные стереотипы в отношении старости и старения, а также соответствующие дискриминационные практики (Guddy, Fiske, 2004)¹⁹. Психологи отмечают, что «в настоящее время в российском обществе сложилось устойчивое мнение об обострении взаимоотношений между возрастными поколениями, в частности между молодежью и пожилыми и старыми людьми» (Оглезнева, 2008, с. 136), что подтверждается данными многочисленных исследований. В современном российском обществе «интолерантность в отношении старости проявляется в нетерпимости к лицам пожилого возраста со стороны молодого поколения и общества в целом» (Петрова, 2008, с. 138). При этом «исследования показывают, что значительная часть аморальных поступков, совершаемых молодыми людьми, связана с их ориентацией на групповые нормы, которые вступают в противоречие с общественными» (Короткина, 2008, с. 34). Демонстративное хамство и неуступание мест старикам – это не случайность, а подчас принципиальная позиция.

Исследования показывают также, что «молодые люди выражают неоднозначное отношение к необходимости соблюдения социальных норм» (Шустова, Гриценко, 2007, с. 55). Хотя количественно преобладают те, кто, по крайней мере, исследователям отвечает, что нормы надо соблюдать (есть основания усомниться в искренности значительной части таких респондентов), но при этом широко распространена и такая позиция: «Мы будем соблюдать законы и нравственные нормы, если нравственно поступать будет выгодно» (там же, с. 50). Значит, пока выгоднее нарушать законы и нравственные нормы, стремление к их соблюдению остается абстрактным. Подобный диссонанс – абстрактное признание одних норм и реальное следование другим, подчас прямо противоположным, как и всякий когнитивный диссонанс (Festinger, 1957), болезненно переживается человеком, порождает у него чувство внутренней дисгармонии, понижающее удовлетворенность жизнью (Шустова, Гриценко, 2007).

Психологические, социологические, демографические и другие исследования, а также приведенная выше удручающая статистика разводов, социального сиротства, детей, рождающихся в неполных семьях, свидетельствуют о кризисе социального института семьи, тоже выражающем меру нравственного неблагополучия нашего общества. Отмечается, что «проблемы семьи и семейного воспитания в последние годы стоят как никогда остро: демографы, социологи, культурологи, психологи, педагоги подтверждают наличие глубокого системного кризиса этого социального института» (Спиридонов, 2008, с. 42).

Печальные результаты дают и психологические обследования современного российского бизнеса, свидетельствующие о том, что он не готов к политике социальной ответственности, которая воспринимается многими отечественными предпринимателями как противоречащая их коммерческим интересам, а понятие социальной ответственности совершенно по-разному трактуется бизнесменами и основной частью нашего общества (Чечурова, 2008). Это создает благоприятные социально-психологические условия не только для регулярного возникновения финансовых «пирамид» и прочих проявлений недобросовестности предпринимателей, но и для напряженных отношений между ними и госслужащими.

¹⁹ Чаще этот термин применяется более широко – как обозначение любого предубежденного отношения к возрастным группам, в том числе и к младшему поколению.

Конечно, можно разглядеть и отдельные позитивные симптомы: развитие, причем совершенно спонтанное, без какой-либо «указки свыше», волонтерского движения; еще не достигший таких размеров, как в западных странах, но все же достаточно значительный размах благотворительной деятельности (подчеркнем: в отличие от западных стран разворачивающейся в отсутствие каких-либо законов, ее стимулирующих); героическое жертвование нашими согражданами своей жизнью ради спасения чужих жизней; тот вроде бы совсем прозаический факт, что наши водители наконец-то начали пропускать пешеходов, причем не только тогда, когда рядом находится инспектор ГАИ; и т. д.

Однако, несмотря на это, по-прежнему есть все основания говорить о комплексной и системной морально-нравственной деградации значительной части нашего общества. Она констатируется представителями самых различных наук. Психологи считают, что «Россия на долгие годы оказалась „естественной лабораторией“, где нравственность и правовое сознание граждан проходили суровые испытания» (Воловикова, 2004, с. 17). Социологи утверждают, что «в конце XX – начале XXI в. российское общество, ввергнутое государством сначала в „перестройку“, а затем в „радикальные реформы“, постоянно испытывало моральные девиации и дефицит не столько социальных, экономических и политических, сколько нравственных ориентиров, ценностей и образцов поведения» (Левашов, 2007, с. 225). Они же констатируют «моральную аберрацию» мышления многих наших политиков – его дистанцирование от моральных ценностей и ориентиров, которые в нем вытеснены категориями экономического характера, такими как экономический рост, размер ВВП, показатели инфляции и др. (там же). Экономисты отмечают, что «среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, – пренебрежение нравственно-психологическим миром человека» (Гринберг, 2007, с. 588), подчеркивая «интенсивное искоренение морально-этической составляющей из социального бытия» (там же). А философы полагают, что «сегодня мы не имеем коллективных представлений о различии добра и зла, о том, что такое сострадание, справедливость, жалость, милость, доброта, хороший тон, правильная речь, самоуважение, уважение к другому, потеряло смысл традиционно русское понятие правды...» (Федотова, 2008, с. 793).

В русле количественной макропсихологии (см.: Юревич, Ушаков, 2007) нами был разработан Индекс нравственного состояния общества (ИНСО)²⁰, основанный на интеграции таких показателей, как количество (на 100 000 жителей): 1) убийств и 2) беспризорных детей, 3) индекс коррупции, 4) индекс Джини, выражающий неравномерность распределения доходов. В данном контексте Индекс нравственного состояния общества – это Индекс его нравственного *неблагополучия*. Естественно, нравственное состояние общества выражается не только этими, но и другими показателями, но именно названные свидетельствуют о проявлении наиболее острых симптомов нравственной болезни общества. При этом указанные параметры обнаруживают высокую корреляцию между собой, что подтверждает возможность их рассмотрения в качестве проявления единого целого. В целом же понятие нравственности на уровне как личности, так и общества можно разложить на 4 основные составляющие: 1) законопослушность, 2) цивилизованность, 3) моральность, 4) человечность, хотя они, конечно же, во многом пересекаются друг с другом.

Динамика оцененного количественно нравственного неблагополучия российского общества в годы реформ и его соотношение с соответствующим показателем в других странах Центральной и Восточной Европы показаны на рисунках 8 и 9.

²⁰ Методологию вычисления ИНСО см.: Юревич, Ушаков, Цапенко, 2007; в целом она аналогична методологии вычисления Индекса психологического состояния общества, описанной в главе 1.

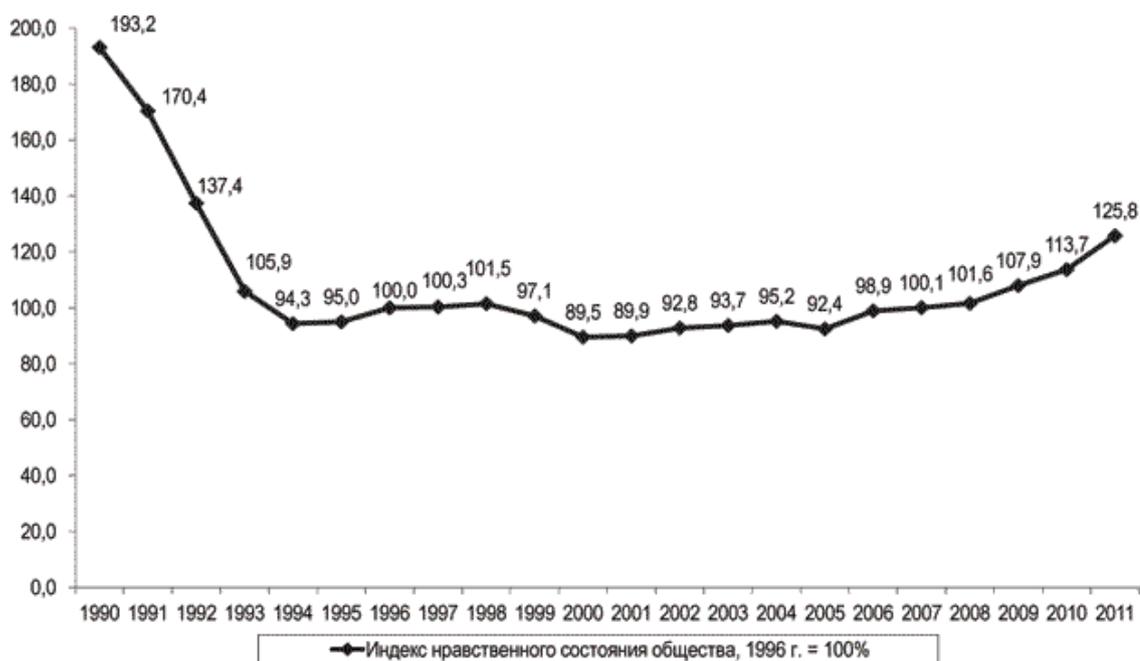

Рис. 8. Динамика нравственного состояния современного российского общества

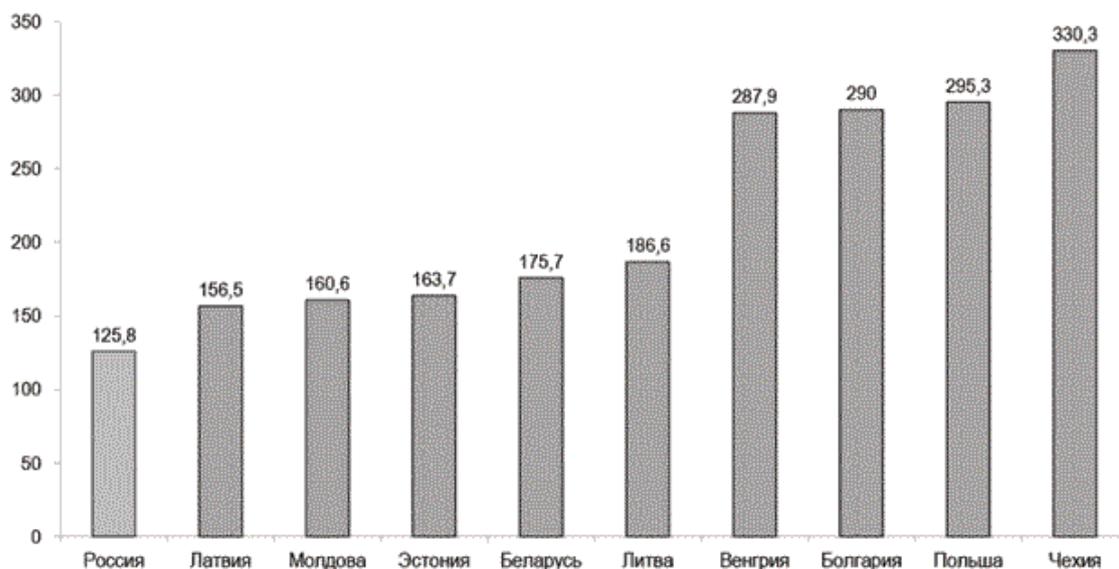

Рис. 9. Индекс нравственного состояния общества в России и странах Центрально-Восточной Европы (уровень России за 1996 г. = 100 %), 2011 г.

Как видно на рисунке 8, нравственное состояние нашего общества ежегодно ухудшалось с 1991 по 1994 гг., затем улучшалось до «дефолтного» 1998 г., после чего вновь ухудшалось до 2000 г., а потом вновь обнаружило тенденцию к ежегодному улучшению. Не подвергая интерпретации выявленную динамику, отметим, что она почти полностью соответствует динамике макропсихологического состояния современного российского общества, оцененной на основе других показателей (см. главу 1), а также временной развертке его характеристик, вычисляемых социологами (социальные настроения, социальный оптимизм и др.), что говорит о синхронном проявлении подобной динамики в самых различных сферах. Обращает на себя внимание и тот факт, что количественно оцененное нравственное состояние нашего общества в первые годы реформ ухудшалось высокими темпами, что свидетельствует о связи его ухудшения именно с реформами и с сопутствовавшими им событиями, а в течение последующих лет

хотя и обнаруживало нелинейную, «волнообразную» динамику, но ухудшилось по сравнению с 1990 г. почти в 2 раза. Как показано на рисунке 9, оно существенно уступает и уровню европейских стран.

Последствия падения нравов

Не обсуждая в данном контексте *причины* неудовлетворительного нравственного состояния значительной части нашего общества (о них см.: Юревич, Ушаков, Цапенко, 2007), подчеркнем, что оно, помимо всего прочего, составляет основу того, что ожидает это общество в будущем.

Можно выделить несколько ключевых направлений такого влияния.

В. К. Левашов «катастрофическую депопуляцию» (Левашов, 2007, с. 259) современной России объясняет «нравственным разрывом между обществом и государством» (там же)²¹. А. Ю. Шевяков приводит данные о том, что «изменения тенденций рождаемости и смертности в России на 85–90 % обусловлены избыточным неравенством и высокой относительной бедностью населения» (Шевяков, 2008, с. 305), выражающими степень нравственного неблагополучия нашего общества. Он подчеркивает, что «связь между социально-экономическими факторами и демографическими показателями опосредована психологическими реакциями людей и вытекающими из этих реакций поведенческими установками» (там же, с. 308). Психологи утверждают, что «причины такой низкой рождаемости и высокой смертности в современной России – прежде всего духовные и нравственно-психологические» (Семенов, 2008, с. 171). «Демографические исследования показывают, что более двух третей причин депопуляции России связаны с такими возникшими в постсоветский период социально-психологическими феноменами, как социальная депрессия, апатия и агрессия» (Гринберг, 2007, с. 588). Некоторые из них (например, массовая агрессивность) являются непосредственными проявлениями снижения нравственности, другие – апатия, депрессия и др. – массовой психологической реакцией на ее разрушение.

Общеизвестно, что перманентное ощущение человеком безнравственности, враждебности и агрессивности окружающей социальной среды вызывает у него стресс, апатию, депрессию и т. п., в свою очередь порождающие психические расстройства, заболевания нервной системы, сердечно-сосудистые, желудочно-кишечные и прочие болезни. Опросы показывают, что, например, перманентный страх, тревогу, чувство незащищенности и т. п. испытывает большая часть россиян (Ежемесячный бюллетень..., 2009). По данным Всемирной организации здравоохранения, от 45 % до 70 % всех заболеваний связаны со стрессом, причем такие психосоматические заболевания, как неврозы, нарушения сердечно-сосудистой деятельности, язвенные поражения желудочно-кишечного тракта, иммунодефициты, эндокринопатии и опухолевые заболевания обнаруживают от него прямую зависимость (Судаков, 1998). В результате неудивительно, что, как отмечает Н. Н. Клюев, «у российской динамики смертности – „африканское лицо“, хотя ни вопиющей нищеты, ни эпидемии ВИЧ в нашей стране не наблюдается» (Клюев, 2009, с. 639). Именно вследствие сокращения ожидаемой продолжительности жизни российский Индекс развития человеческого потенциала за 1990–2005 гг. уменьшился²², в то время как у подавляющего большинства стран он вырос, и сейчас «по темпам социального

²¹ По данным опросов, большинство наших сограждан считают, что современное российское государство выражает главным образом интересы государственной бюрократии и богатых слоев, а не общества в целом (Левашов, 2007). Однако и при более позитивном представлении о нашем государстве и приписывании ему прообщественных интенций приходится признать, что «государство проигрывает войну с общественными пороками» (там же, с. 426).

²² В целом же современных россиян по Индексу развития человеческого потенциала характеризуют таким образом: «высокообразованные, среднеобеспеченные, мало живущие» (там же, с. 642), хотя первые две оценки выглядят слишком оптимистичными.

развития (вернее, неразвития и даже деградации) на рубеже веков Россия попадает в мировое захолустье» (там же, с. 640).

Постоянное чувство неблагополучия нашего социума играет важную роль среди мотивов самоубийств, а также имеет прямое отношение к удручающей статистике наркомании, алкоголизма, несчастных случаев и др. А. Ю. Мягков и С. В. Ерофеев отмечают, что «в теориях социальной интеграции рост самоубийств традиционно считается важным признаком усиления напряженности и самодеструктивности в обществе, являющихся, в свою очередь, следствием глубоких девиаций в социальных структурах и отсутствия ценностно-нормативного единства» (Мягков, Ерофеев, 2007, с. 54). Они констатируют, что «продолжающийся рост самоубийств – это та цена, которую мы до сих пор вынуждены платить за нецивилизованные формы перехода к рынку» (там же, с. 50).

Как отмечает Л. Д. Кудрявцев, «история дает немало примеров, начиная с гибели Римской империи, когда в целом экономически благополучные государства погибали в результате падения морального уровня населения» (Кудрявцев, 2000, с. 9). Б. Н. Кузык на материале важнейших исторических циклов эволюции российского государства показывает, что каждому его политическому и экономическому подъему и спаду всегда предшествовал соответственно подъем или спад духовной жизни и нравственности (Кузык, 2008).

Вопреки провозглашенному отечественными реформаторами тезису о «ненужности» морали для рыночной экономики, их связь более чем очевидна и показана еще в классических трудах М. Вебера и его последователей. Очевидна она и для наиболее прогрессивных представителей российского бизнеса, хотя, как показывают опросы, в ценностной иерархии российских бизнесменов такие ценности, как нравственность и чистая совесть, занимают одно из последних мест (Семенов, 2008). Президент группы компаний «Рольф» С. А. Петров подчеркивает, что «требования морали – это не какой-то привесок к бизнесу, навязываемый ему некими общественными силами, т. е. извне, а залог его успешного развития» (Петров, 2008, с. 422). Раздаются и призывы к разработке «морального кодекса российского предпринимателя» (цит. по: Семенов, 2008, с. 147). Они имеют давнюю традицию: две трети самых богатых купцов России были староверами, «то есть, – как отмечает Г. С. Лисичкин, – исповедовали в том числе и высокую мораль в предпринимательстве... вырабатывали свою систему нравственных стандартов, несовместимую с жульничеством» (цит. по: Ойзерман, 2009, с. 703). Симптоматично и то, что важным атрибутом брендов многих современных компаний, таких как, например, «Reebok», является их *этическая* составляющая (Шмигин, 2009). В целом же закономерность, состоящая в том, что «чем выше уровень духовно-нравственного развития основной массы населения, тем успешнее развивается экономическая и политическая система страны» (Богомолов, 2008а, с. 367), что «состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности» (Глазьев, 2008, с. 416), получает самые разнообразные и более чем убедительные подтверждения. Подтверждается она и полученными Институтом психологии РАН данными о высокой корреляции количественно оцененной степени нравственного благополучия нашего общества с объемом ВВП: корреляция между которыми (вычисленная на основе коэффициента корреляции Пирсона) составляет 0,517 (См. Юревич, Ушаков, Цапенко, 2007). Таким образом, вопреки заявлениям наших псевдолибералов, безнравственность отнюдь не «встроена» в рыночную экономику.

Нравственность оказывает существенное влияние и на социально-политическое устройство общества. В частности, трудно не согласиться с тем, что «этика и есть сердце демократии» (Оболенский, 2008, с. 394), поскольку последняя предполагает *доверие* граждан к ее институтам, которое невозможно без их следования базовым этическим принципам. По словам бывшего президента СССР М. С. Горбачева, «без нравственного компонента любая система будет обречена» (Горбачев, 2008, с. 14). А митрополит Кирилл (ныне Патриарх Всея Руси)

выразился еще более категорично: «Нравственность есть условие выживания человеческой цивилизации, – не больше и не меньше» (Митрополит Кирилл, 2008, с. 372).

Все сказанное демонстрирует «материальность» нравственного неблагополучия социума и невозможность решения данной проблемы «по остаточному принципу».

Несмотря на некоторые позитивные сдвиги последних лет, российское общество по-прежнему «травмировано хаосом» (Федотова, 2000), а одной из его главных проблем является не дефицит свободы, в котором нас постоянно обвиняют с Запада (как всегда плохо понимающего, что происходит в России), а прямо противоположное – *дефицит контроля, и прежде всего контроля внутреннего, нравственного*. Данная ключевая потребность современного российского общества проявляется в массовом сознании. Как демонстрируют опросы, подавляющее большинство – около 80 % – наших сограждан выступает за ужесточение законов, за нравственную цензуру СМИ, за создание Общественного совета на ТВ и др. Опросы демонстрируют также, что большинство россиян видит необходимость «нравственной революции» в нашем обществе (Семенов, 2008). Аналогичные интенции наблюдаются в органах власти и в Общественной палате, члены которой заявляют, что главная проблема современной России – падение морально-нравственной культуры. Очень показательны также стремительное возрастание количества верующих, хотя, как показывают исследования, у многих из считающих себя таковыми вера носит поверхностный и противоречивый характер (Семенов, 2008). Симптоматичен и рост популярности радикального ислама, среди причин которой не последнее место занимает его нравственный ригоризм, противостоящий нарастающей безнравственности западной цивилизации.

Все это говорит о том, что в нашем обществе *вызрела потребность в укреплении его духовно-нравственных основ, в том числе и в целях укрепления нашей национальной безопасности, для которой нравственная деградация общества не менее губительна, чем другие деструктивные социальные процессы*. Ведь «хотим мы это признать или нет, но нравственность действительно лежит в основе всего» (Митрополит Кирилл, 2008, с. 375), «пора понять, что без нравственного и духовного обновления в стране не будет и повышения рождаемости и снижения смертности, а значит, и самого нашего будущего» (Семенов, 2008, с. 173), и «пора осознать, что в России нравственное воспитание, духовное возрождение – вопрос выживания нации и одна из необходимых предпосылок оздоровления экономики» (Богомолов, 2008б, с. 20).

Глава 4. Феномен свободы в современной России

Избыточная свобода

Свобода всегда считалась одной из главных ценностей человечества. Во имя нее начинались войны, совершались революции, люди шли на смерть, отказывались от привычных благ и спокойной жизни. Она же рассматривалась как основа оптимального устройства общества, эффективности экономики, справедливых отношений – как между государствами, так и между людьми, и мн. др. Вполне символично, что Д. А. Медведев в своих предвыборных выступлениях подчеркивал, что свобода всегда лучше, чем несвобода, и, казалось бы, это в порядке вещей. Правда, он не уточнил, *какую именно* свободу имеет в виду, но наверняка не свободу продажи наркотиков, создания финансовых «пирамид» или публичной матерщины. В таких уточнениях вроде бы нет нужды, поскольку для каждого разумного человека очевидно, что *не любая* свобода «лучше, чем несвобода», свобода предполагает ее неизбежные ограничения, в отсутствие которых она может перерасти в анархию, мрачный образ которой был прописан не одним социальным мыслителем.

Невозможность волюнтаристского потребления свободы – сколько ее хотим, столько и потребляем – вытекает из того, что, как подчеркивали многие мыслители, например, Э. Дюркгейм, истинная свобода порождается своими ограничениями. Такие его последователи, как К. Поппер, акцентировали «оборотную» сторону демократии, состоящую в том, что она представляет собой не только всевозможные политические и экономические свободы, но и *рамки*, за пределы которых не должны выходить граждане демократического общества. В идеальном же варианте демократического общества – в «открытом обществе», идеологему которого развивал К. Поппер, свобода человека ограничивается только одной инстанцией – его же собственным разумом, в результате чего выступает в виде свободы разумной и ответственной (Поппер, 1992).

Если же основные принципы свободы не «вочеловечены», а демократические свободы не сбалансированы их интериоризованными личностью ограничениями, неминуемо возникает «парадокс свободы», состоящий в том, что она подрезает собственные корни и перерастает в свою противоположность. «Что делает из политической свободы человек, который не созрел для нее и переживает ее как разнуздание? – спрашивал после российской революции 1917 г. И. А. Ильин и отвечал: Он сам становится опаснейшим врагом чужой и общей свободы» (Ильин, 1991, с. 146). Это относится и к другим видам свободы, свидетельства чему отчетливо наблюдаются в современной России.

Так, трудно не согласиться с Г. Вайнштейном, отмечающим, что «российские особенности посткоммунистической трансформации свидетельствуют не столько о том, что наше общество отторгает демократию, сколько, напротив, о том, что на российской почве демократические всходы бурно прорастают, но в крайне нецивилизованных и опасных для общества формах» (Вайнштейн, 1998, с. 49), а «энергия политического переустройства оказалась чреватой прежде всего всплеском свободы и общественной самодеятельности – при отсутствии чувства ответственности и нежелании считаться с ограничениями и законами» (там же, с. 49–50). Высвобождение из-под контроля внешних инстанций, таких как райкомы КПСС или КГБ, в отсутствие действенных внутренних ограничений породило у многих не истинную свободу, основанную на разумных самоограничениях, а высвобождение заблокированных прежде деструктивных наклонностей. Уместно вспомнить один научно-фантастический фильм, сюжет которого основан на том, что некая внеземная цивилизация, достигнув сверхвысокого уровня технического развития и обретя способность непосредственной материализации желаний, тут

же сама себя уничтожила, поскольку в виде «монстра Ид» материализовалось ее деструктивное бессознательное. Аналогия с нашей страной, возможно, гипертрофирована, но небезосновательна²³. Как пишет А. В. Кацура, «Общество держалось на жестком корсете внешних правил, требований и норм. Наши революционеры-перестройщики (в отношении социальной психологии люди безграмотные) полагали, что все дело в ослаблении или разрушении этого всем опостылевшего корсета. Разрушили в считанные дни. В отсутствие давно и основательно растоптанного Я на свободу вышло Оно (т. е. инстинкты и страстные желания без должного рационального контроля и без моральных ограничений; в Оно нет совести, она возникает на границе Я и Сверх-Я). А мы все удивляемся разгулу воровства и преступности» (Кацура, 1998, с. 152).

Здесь необходимо напомнить очень простую, но почему-то совершенно игнорируемую опьяненными абсолютной ценностью свободы мысль о том, что свобода – это *высвобождение не только лучшего, но и худшего* в человеке. Высвобождение лучшего непременно должно сопровождаться жесткими ограничениями на высвобождение худшего, иначе возникает ситуация, описываемая такими метафорами, как открытие ящика Пандоры, выпускание из клеток хищных зверей и т. п.

Развивая эти образы, а также метафору, основанную на концепции З. Фрейда, и, соответственно, трактуя такие социальные, а точнее – антисоциальные явления, как массовую разнузданность и криминализацию, как проявления общественного (но не обязательно индивидуального) бессознательного, а нравственные принципы и поддерживающие их социальные институты – как выражение коллективного Супер-Эго, произошедшую с нами метаморфозу можно охарактеризовать как «революцию бессознательного». Она состояла не только в том, что бессознательное нашего общества вышло из-под контроля его сознания, но и в том, что они, как «верхи» и «низы» при любой революции, поменялись местами. Например, как отмечает С. Ю. Глазьев, «российская „приватизация“, именуемая в народе „прихватизацией“, отражает нетипичную для человеческого общества ситуацию революционной ломки, когда добропорядочные граждане вдруг оказываются неконкурентоспособными, а аморальные и даже преступные элементы получают колоссальное преимущество. Их кредо – „баксы“, право силы и вседозволенность – оказываются эффективнее традиционной морали и постепенно овладевают массами» (Глазьев, 2008, с. 411).

Полностью законопослушное поведение в 1990-е годы превратилось в аномалию, а мораль преступного мира и соответствующие способы действий оказались практически легализованы. Опросы тех лет демонстрировали, что до 90 % наших сограждан решали «спорные вопросы» с помощью криминальных структур, а в списке институтов, пользовавшихся наибольшим доверием, третье место – после семьи и церкви – занимали... криминальные авторитеты (Олейник, 1997). Это было не удивительно, поскольку «свято место пусто не бывает», и в многочисленных «черных» и «серых» зонах нашей жизни, которые государство в те годы практически не контролировало (многие из них не контролирует и сейчас), его функции ограничения чрезмерных свобод, выражающиеся в принуждении к выполнению контрактов, уплате долгов и т. п., взял на себя криминалитет (Моисеев, 1998).

Хорошо известны и другие проявления избыточной свободы: «Достаточно вспомнить, чем обернулось на практике поспешное применение, казалось бы, бесспорного демократического принципа – что не запрещено, то можно – в условиях, когда в обществе не были установлены соответствующие демократическим нормам моральные и правовые запреты, без которых произвол и безнаказанность расцветают пышным цветом. Отсюда и „мирно почившие“ финан-

²³ Отметим в этой связи, что вообще новые научно-технические достижения, становясь достоянием широких масс, часто порождают очень негативные социальные последствия, и симптоматично предсмертное признание В. Зворыкина о том, что если бы он знал, к каким социальным последствиям его изобретение приведет, он бы его не делал. Главная причина, возможно, заключена в описанном фантастическом сюжете: расширяющиеся технические возможности человечества расширяют и возможности проявления зла.

совые пирамиды, и баснословные состояния, нажитые „честным“ путем, и громкая, но безрезультатная война компроматов в средствах массовой информации и т. п.» (Чумаков, 1998, с. 205).

Распространившееся в начале реформ псевдолиберальное²⁴, основанное на «доктрине вульгарного либерализма» (Глазьев, 2008, с. 417), понимание свободы как несоблюдения любых правил и запретов²⁵, как разнузданности и безответственности, было охотно усвоено многими нашими согражданами. «Неолиберальная рыночная экономика граничит с оправданием аморальной вседозволенности», – пишет О. Т. Богомолов (Богомолов, 2008а, с. 368). А. С. Ципко отмечает, что «наши обвальные реформы убили тот внутренний страх, то чувство внутреннего самоконтроля, на котором держится современная цивилизация» (Ципко, 2008, с. 89). В результате идея свободы оказалась трансформированной в культ развязности и вседозволенности.

Упразднение *социальных институтов* морального контроля, в роли которых в советском обществе выступали партийная и комсомольская организации, товарищеские суды, народный контроль и т. д., при всех их общеизвестных недостатках выполнявшие очень важную социальную функцию, привело к тому, что «миллионы людей оказались предоставлены сами себе» (Ципко, 2008, с. 117). Известно, что в условиях отсутствия культуры внутреннего самоконтроля упразднение институтов контроля внешнего может привести к полной бесконтрольности над худшими сторонами человеческой натуры. Избыток свободы неизбежно губит любую цивилизацию, разрушая ее основы, ведь цивилизация возникла в тот самый момент, когда первобытный человек впервые сказал себе «нет», проявив способность подчинять стихию инстинктов голосу разума, а цивилизованность можно определить как наложение человеком внутренних ограничений на свою свободу. Губителен он и для государств, и для населяющих их народов и отношений между ними. Достаточно вспомнить печально известный призыв «Берите столько суверенитета, сколько сможете», а вслед за ним – разрушение нашей страны, кровопролитные войны, терроризм и другие страшные последствия. По данным Е. Маллера, такие результаты злоупотребления экономическими свободами, как запредельные значения децильного индекса, массовая бедность и т. д., неизбежно порождают «откат» от демократии, выражающийся в ограничении свобод политических (Muller, 1995).

Избыток свободы и ее нецивилизованное понимание сформировали в нашей стране и новый тип личности, обозначаемый психологами как «развязно-агрессивный» (Ениколопов, 2006; и др.), хотя эту характеристику можно дополнить и другими эпитетами. Основными чертами данного типа поведения являются демонстративные грубость, наглость, агрессия, «принципиальная беспринципность», презрение к общепринятым социальным нормам, в первую очередь – к нормам морали, ориентация на законы криминального мира, неуважение к старшим по возрасту и по статусу, публичный мат и др.

«Развязно-агрессивный» тип личности явился результатом интериоризации как тех процессов, которые происходили в нашем обществе в 1990-е годы, так и псевдолиберального понимания свободы. Так, например, в нашей молодежной среде сложился настоящий культ «раскованности» (по сути, разнузданности), в утверждение которого очевидный вклад внесли наше телевидение и другие СМИ, которые и сами «раскрепостились» сверх всякой меры, общеиз-

²⁴ «Псевдо» – потому, что оно имеет очень далекое отношение к истинному либерализму, представляя собой его сильно искаженную в интересах определенных слоев общества версию. Основоположники российского либерализма Б. Н. Чичерин, М. М. Сперанский, С. Ю. Витте, последователями которых называют себя авторы «Русского либерального манифеста» и лидеры СПС, были бы, наверное, сильно удивлены тем, кого считают либералами в современной России.

²⁵ Отметим, что подобное понимание свободы не является нашим российским изобретением. Так, например, свобода, пропагандировавшаяся французскими салонами эпохи Просвещения, «носила сугубо негативный характер, превратилась в свободу отрицания всех моральных устоев – веры, авторитета, традиций, опыта, уважения к власти, объявленных предрассудками» (Огурцов, 2008).

вестными свидетельствами чему служат систематически практикуемая ими нецензурная лексика и прочие «вольности».

Яркие проявления этого культа – характерные для многих наших «расковавшихся» юнцов походка, позы, которые они принимают в общественном транспорте, стремясь занять как можно больше пространства и создать максимальные препятствия для окружающих, язык, на котором они говорят и т. п. При этом создается впечатление, что они умышленно подавляют в себе естественное для всякого цивилизованного человека стремление считаться с мнением окружающих, те внутренние запреты²⁶, которые служат одним из главных порождений цивилизации и одним из основных отличий человека от животных. Соответствующее поведение служит для таких людей способом повышения самооценки, утверждения собственного достоинства, демонстрации своей свободы и значительности. В условиях нецивилизованного понимания свободы наиболее высокие (например, в концепции А. Маслоу) человеческие потребности принимают откровенно варварские и антисоциальные формы.

Описанная цепочка последствий псевдолиберального понимания свободы может быть изображена в виде схемы (см. рисунок 10).

²⁶ Подчеркнем, что внутренние ограничения свободы предполагают постоянный взгляд на себя со стороны, т. е. интериоризованного Другого, причем цивилизованного Другого – квинтэссенции принципов цивилизованности, морали и нравственности.

Рис. 10. Последствия распространения в обществе псевдолиберального понимания свободы

Центральная роль в этой схеме психологических факторов, таких как утверждение нового (относительно) типа личности, вписывается в понимание их роли, характерное не только для психологов, но и для представителей других дисциплин. Так, например, один из ведущих отечественных демографов А. Ю. Шевяков пишет: «Связь между социально-экономическими факторами и демографическими показателями опосредована психологическими реакциями людей и вытекающими из этих реакций поведенческими установками» (там же, с. 308). Социолог Л. Г. Воронин акцентирует, что «изменениям объективных показателей общественного благополучия/неблагополучия... в пространстве социума предшествуют изменения на субъективном уровне» (Воронин, 2009, с. 48), поскольку изменения поведенческих практик выражают сдвиги в психологическом состоянии людей, причем не сразу, а по прошествии некоторого латентного периода, который необходим для того, чтобы они воплотились в этих практиках. Он отмечает, что «с 1998 по 2001 г. наблюдаем значительный рост показателя самоидентификации респондентов в экономическом пространстве при том, что в стране увеличивается число суицидов. И только про прошествии примерно двух лет в поведенческих практиках наступает перелом, в частности, снижается количество самоубийств» (там же, с. 48). При этом Г. Л. Воронин апеллирует к идее А. Шюца о том, что социальная реальность берет начало из субъективных значений человеческих действий (Шюц, 2004).

В то же время, в духе традиций эпохи марксизма и «экономического детерминизма» (Кортунов, 2009; и др.), мы придаем важнейшее значение *типу общества*, которое строим, и в первую очередь – характеру его экономики, забывая о *типе личности*, который при этом культивируется, а затем, оценивая получившийся результат, привычно сетуем на то, что не учли особенности российского менталитета, что «опять забыли про человека» и т. п.

Либерализм и псевдолиберализм

Имеет смысл напомнить одну из главных традиций в понимании либерализма и, соответственно, различения либералов и консерваторов, существующую в социально-философской и политологической литературе. Не занимаясь вряд ли уместным ликбезовским описанием этой традиции, в данном контексте уместно эксплицировать ее психологический подтекст, связанный с *образом человека*, которым руководствовались либеральные и консервативные мыслители Запада. Первые – Дж. Локк и его последователи – полагали, что человек в целом *заслуживает доверия*, в нем доминирует позитивное начало, основные социальные ограничения в нем *интериоризованы*, носят внутриличностный характер, и, соответственно, внешние ограничения его свободе могут быть сведены к минимуму, воплощенному главным образом в законах. Вторые – Т. Гоббс и его единомышленники – склонялись к тому, что зло в человеке достаточно сильно, он не заслуживает доверия, нуждается во внешнем подавлении «темной» стороны своей природы и, соответственно, необходимы достаточно жесткие внешние ограничения его свободы. Таким образом, предпочтение либеральных или консервативных моделей развития цивилизации оказывались в прямой зависимости от общих представлений о *природе человека*, о соотношении в нем добра и зла или, в терминах З. Фрейда, о том, насколько его Супер-Эго справляется с его Ид.

Очевидно и то, что ключевой элемент в этой схеме – «человек вообще» – выглядит очень шатким основанием социально-философских конструкций, поскольку и разные люди, и различные культуры в данном плане сильно различаются. Следует отметить и своеобразный эгоцентризм российской интеллигенции, идеологически обосновывающей грядущие реформы и моделирующей ее результат «под себя». Например, прорабатывая идеологему свободы приме-

нительно к нашему обществу, она явно мыслила последствия в соответствии с образом того, как она сама будет использовать свободу, мало считаясь с тем, как ею воспользуются другие категории населения.

Из релятивности представлений о природе человека следует также, что, за исключением стандартного набора свобод, которые должны иметь представители всех культур и народов, отсутствуют еще какие-либо свободы, которые все они могут себе позволить в равной мере, что, в частности, стоит за идеей необходимости различных моделей демократии и невозможности ее сведения к одному унифицированному варианту. Основным критерием такой избирательной «дистрибуции свободы» должно быть то, в какой мере ее социально необходимые ограничения «вочеловечены», интериоризованы модальной, т. е. типовой для данного общества, личностью и, соответственно, в каком объеме могут быть отменены внешние ограничения ее свободы. Это ставит «уровень допустимой свободы» в зависимость от различных характеристик модальной личности, – в первую очередь, от ее *интеллектуального уровня*, необходимого для понимания неизбежности ограничений свободы, и ее *нравственного уровня*, необходимого для того, чтобы, понимая неизбежность этих ограничений, личность была готова их соблюдать.

В плане дифференциации либералов²⁷ и консерваторов, а также различных видов либералов это означает, что основополагающее отличие первых состоит не в том, что они выступают за отмену ограничений свободы, а в том, что утверждают возможность минимизации *внешних* ограничений, налагаемых различными социальными институтами, и перевода их в форму ограничений *внутренних*. Как пишет А. А. Кара-Мурза, «искушение самочинной волей – важнейшая проблема, которую в полной мере учитывали классики европейской либеральной мысли. Скажу больше: значение и историческая правота либерализма всегда определялись не привлекательностью его моральных посылок, а реальной способностью нейтрализовать „новое варварство“ как выплеск непродуктивного индивидуализма, направить автономную активность человека в социально конструктивное русло. Задачей либерализма стала, таким образом, не декларация свободы «индивида вообще», а защита свободы личностей, достигших определенного уровня развития и доказавших (на основе выдвинутых либерализмом критериев) свой цивилизационный статус» (Либерализм в России, 1996, с. 58).

Псевдолибералы же отличаются от истинных либералов своей убежденностью в возможности отмены *любых* ограничений, как внешних, так и внутренних, или же в том, что *любая* личность способна накладывать на свою свободу внутренние ограничения. К сожалению, трудно не признать, что большинство людей, обозначаемых некогда престижным словом «либерал» в современной России, принадлежит именно к данной группе. Как подчеркивает С. В. Кортунов, «свобода для либералов – универсальная ценность, превалирующая над всеми остальными; самоценное благо, которое не может служить лишь чисто утилитарным целям... Однако если рассматривать свободу в „негативном“ смысле, как свободу от чего-то, то она рассматривается просто как отсутствие внешних ограничений» (Кортунов, 2009, с. 216), «нынешние либералы отделили понятие свободы от совести, стыда, личной вины и ответственности» (там же, с. 236), в результате чего «внутренние, моральные основы человеческого поведения заменяются внешними, формальными, а сдерживающие, нормативные начала ослабляются. Тем самым активизируются разрушительные потенции, сокрытые в глубинах человеческой психики. Возникает специфическая „не-управляемость“, о которой все больше и больше говорят в последние десятилетия, т. е. попросту говоря анархия. Свобода становится „даром данайцев“» (с. 215).

К числу неизбежных результатов принадлежат не только компрометация либерализма в современной России, да и в других странах, где в последние годы либеральные партии систе-

²⁷ Напомним, что это слово возникло в 1812 г. в кортесах испанского города Кадиса, где означало члена партии свободы (Либерализм в России, 1996, с. 417).

матически проигрывают избирательные кампании (см. Картунов, 2009), и превращение слова «либерал» чуть ли не в ругательство, но и освобождение этой идеологической ниши основной частью нашей интеллигенции. Если еще в конце 1980-х годов либерализм был «религией» российской интеллигенции, то сейчас трудно встретить ее представителя, который позиционировал бы себя в качестве либерала. Интеллигенция оказалась вытесненной из либеральной ниши не слишком чистыми на руку представителями совсем других социальных слоев, эксплуатирующих либеральные идеи для оправдания удобного им, но губительного для общества социального порядка²⁸.

Антисоциальная социализация

Ярким примером реализации в современном российском обществе псевдолиберальной идеи безответственной свободы, лишенной внутренних ограничений, стала ситуация во многих наших школах, а обостренная реакция на фильм В. Гай-Германики с одноименным названием очень симптоматична. Нет нужды описывать ужасы, которые имеют место быть в некоторых современных российских школах: повсеместный мат и блатной жаргон, причем нередко и на уроках, жестокость, переходящая в садизм, торговля наркотиками и т. п. Все это можно увидеть по телевидению, причем не в «чернушных» кинофильмах, а в документальной хронике, а также в любительских видеозаписях, выставленных в Интернете. В общем, историческая цепочка кинофильмов: «Первая учительница» – «Доживем до понедельника» – «Школа» достаточно выражает псевдолиберальную эволюцию «свободы». Не случайно, как отмечалось выше, темпы роста детской преступности у нас сейчас в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности, и насчитывается около 40 тыс. несовершеннолетних заключенных. Но в данном контексте важнее не множить количество примеров и оценивать степень их типичности, а выяснить, *почему* это происходит. Причин, естественно, много. Однако главную роль сыграли, во-первых, превращение свободы в одну из главных ценностей нашего общества, во-вторых, ее понимание некоторыми подростками как отсутствия любых правил и ограничений²⁹. Любое сделанное им замечание такие подростки воспринимают как посягательство на их свободу – самое ценное, что у них есть, и отвечают крайне агрессивно. Школа же предполагает неизбежное накладывание ограничений. Один из Интернет-опросов показал, что ситуации, когда ученики оскорбляют учителя и не слушаются его, регулярно возникают в 43 % российских школ, когда ученики матерятся на уроках – в 50 %, когда они заняты только своей личной жизнью – в 44 % (Аргументы и факты, 2010, с. 7).

Подобная ситуация получает продолжение и в наших вузах, которых в современной России насчитывается намного больше, чем в СССР, хотя страна стала меньше. В результате, если в прежние времена в вузы поступали около 20 % выпускников школ, то сейчас поступают почти 100 %, что иногда выдается за одно из главных достижений современной российской демократии: дескать, ныне любой желающий может получить высшее образование, и это – безусловное благо. Не вдаваясь в обсуждение вопросов о качестве такого образования, опишем атмосферу,

²⁸ В этой связи уместно вспомнить мысль Г. Г. Дилигенского о том, что применительно к нашей стране необходимо различать, например, «демократов-романтиков», искренне отстаивавших демократические ценности, и пришедших им на смену «демократов-прагматиков», ловко использовавших демократические лозунги в личных интересах, например, для оправдания выгодной им приватизации (Дилигенский, 1994). Уместно упомянуть также идею Т. Карлейля о том, что революции подготавливают романтики, совершают прагматики, а их плодами наиболее искусно пользуются проходимцы. Показательно и то, что наши псевдолибералы, во-первых, использовали псевдолиберальные идеи для того, чтобы сколотить себе впечатляющие состояния, во-вторых, когда народ наконец-то получил заветную свободу, тут же поспешили оградиться от него бронированными лимузинами, высокими заборами и вооруженными охранниками, дабы от этой свободы не пострадать.

²⁹ Недавно проведенный нами опрос показал, что такое понимание свободы пустило глубокие корни и в студенческой среде, в том числе и среди студентов наших элитных вузов, таких как МГУ, где 18 % опрошенных ответили, что понятия добра и зла имеют для них чисто абстрактный характер (Юревич, Юревич, 2013).

царящую в некоторых вузах, особенно негосударственных, где подчас больше озабочены количеством платных студентов, чем их поведением³⁰: нецензурная лексика в коридорах, распитие пива и поцелуи на лекциях, подчеркнуто неуважительный тон обращения к преподавателям, и все это при слабом сопротивлении или вообще отсутствии такового со стороны руководства вуза. Культурно-нравственная деградация нашего студенчества (наличие блестящих и высокоинтеллигентных студентов, как и победы на международных олимпиадах наших школьников, неспособны противостоять общей тенденции) продолжает «антисоциальную социализацию», которая у многих начинается в школе, если не раньше, закрепляя описанный выше «развязно-агрессивный» тип личности. При этом трудно не заметить, что наше общественное мнение, суды, правозащитники и журналисты практически всегда занимают сторону школьников и студентов, что настраивает их самих и их родителей на «качание прав» по любому поводу, побуждая, в частности, к опротестовыванию в судах даже полученных оценок, не говоря уж об исключении из школы или вуза. Права же преподавателей при этом редко кого волнуют, что очень характерно для позиции некоторых наших правозащитников, которым свойственна бóльшая озабоченность правами субъектов девиантного поведения, чем его жертв.

После получения корочки о высшем образовании (часто не самого образования) такие выпускники попадают в различные фирмы и организации, где подвергаются некоторому окультуриванию благодаря существованию там более действенных механизмов контроля (ведешь себя неподобающим образом – уволен), однако более ранние ступени социализации оказывают на них неизгладимое влияние.

Не изменится общество – не изменятся школы и вузы, не изменятся школы и вузы – не изменится общество. Эта «дилемма яйца и курицы», естественно, создает ситуацию, препятствующую выработке однонаправленной линии возрождения цивилизованного отношения к свободе. Но исторический опыт показывает, что опорной точкой общественных изменений, как правило, выступает *распространение новых идеологий*, которые вынуждают основную часть общества воспринимать происходящее вокруг не как норму, а как патологию. В начале 1990-х годов в нашей стране такой идеологией стал псевдолиберализм, послуживший идеологическим прикрытием приватизации, имущественного расслоения и т. п., сформировавший образ морали и нравственности как ненужного архаизма, препятствия на пути личного успеха³¹ и развития экономики. Сейчас налицо признаки вызревания новой идеологии и, соответственно, новых ориентиров для развития нашего общества, точнее, преодоления его деградации – в первую очередь, нравственной. В ее основе лежит идея о том, что у безнравственного общества нет будущего, да и развитию экономики безнравственность не содействует, как считают наши псевдолибералы, а препятствует.

В отношении школ и вузов, являющихся крайне важными институтами социализации, необходимо помнить две простые истины. Во-первых, восходящий к классикам отечественной системы образования тезис о том, что оно должно включать *не только обучение, но и воспитание*, формирование просоциальной личности, в то время как в условиях предания второй части этого тезиса забвению для наших школ и вузов становится характерной «асоциальная социализация», формирование личности, разрушительной для общества. Во-вторых, то, что любая система воспитания предполагает не только «пряники», но и «кнуты» – разумные запреты и ограничения и действенные санкции за их нарушение. Построение системы социализации на

³⁰ Естественно, есть и исключения. Например, наши элитные вузы, которым пока удается поддерживать более или менее сносную дисциплину, главным образом за счет высокого коэффициента отчисления студентов.

³¹ После просмотра большинства современных телепередач создается впечатление, что сейчас в России критериями личного успеха являются *богатство и известность*, а способы обретения того и другого рассматриваются как не имеющие значения. При этом наблюдается разительный контраст не только с советским обществом, где основным мериллом успеха считался вклад в *общее* благо, но и с западным обществом, для которого характерна мотивация не коллективного, как в СССР, а индивидуального достижения, культ личного успеха, но достигнутого путем полезной для общества деятельности.

одних только «пряниках», уступках – в том числе и «демону Ид» – и послаблениях очень опасно.

Соответственно, можно обозначить как минимум три основных направления преодоления последствий псевдолиберальной трансформации нашего общества, придания освоенной им необузданной, нецивилизованной и деструктивной свободе разумного, цивилизованного и конструктивного характера.

1. Пересмотр самого *понимания* свободы, оставшегося нам в наследство от первых лет реформ и имеющего крайне искаженный характер. Свобода предполагает ее разумные ограничения, интериоризируемые гражданами. Подобное понимание свободы, прописанное в трудах И. Канта, И. А. Ильина и других выдающихся мыслителей, следует вживлять в умы наших сограждан с помощью системы образования, которая сейчас уделяет этим трудам и соответствующим проблемам явно недостаточное внимание.

2. Возрождение *институтов* морального контроля, которые в современном российском обществе практически отсутствуют, в результате чего мораль *не имеет силы*, сводясь к набору абстрактных принципов, которые, к тому же, далеко не все разделяют. Едва ли следует стремиться к созданию институтов, напоминающих советские партийные и комсомольские организации (в демократическом обществе это и невозможно), однако и школы, и вузы, и общественные организации могли бы выполнять функции морального контроля, для чего им необходим *мандат общества* на их выполнение. Например, поступление в вузы и пребывание в них резонно поставить в зависимость от поведения учащихся в учебных заведениях и за их пределами, а общественным организациям, в том числе и нашей ведущей политической партии, следовало бы придавать значение нравственным качествам своих членов.

3. В условиях дефицита внутренних – нравственных – регулятивов необходима их «*экстернализация*» путем придания моральным нормам статуса законов³². Как пишет О. Т. Богомолов, «Пока нравственные нормы и принципы не станут частью общей культуры, надо принуждать нарушителей порядка к законопослушанию, к соблюдению правил общежития, используя авторитет власти, печати, телевидения» (Богомолов, 2008б, с. 25).

Средства массовой информации, особенно телевидение, вносящие признанный вклад в распространение псевдолиберальных идеологем и в высвобождение всего худшего в человеке, особо нуждаются в очищении от последствий избыточной свободы. Проблема здесь не только в необходимости социально-нравственной цензуры (за которую, по данным опросов, в последнее время выступает более 80 % наших сограждан и которую ее противники пытаются выдать за чреватую цензурой идеологической). Многие явления современной общественной жизни остро нуждаются в радикальном изменении на основе цивилизованного понимания свободы.

³² Ярким примером может служить принятый Государственной Думой закон, запрещающий распитие пива и других слабоалкогольных напитков в общественных местах. В данном очень поучительном случае внутренний – нравственный – запрет был переведен во внешнюю форму. То же самое следовало бы осуществить в отношении публичного мата, что уже сделано в некоторых городах России (под насмешки представителей СМИ, плохо понимающих разрушительность воздействия на общество «слабых» форм девиантного поведения), демонстративных оскорблений старших по возрасту и других форм грубого нарушения морали.

Глава 5. Три источника и три составные части поддержания нравственности

Моральные основы общества

В системе поддержания нравственности в обществе можно выделить три ключевых элемента: 1) создание и обоснование новых видов морали (симптоматично, что в зарубежной литературе слово «мораль» часто используется во множественном числе); 2) их трансляция с социального на индивидуальный уровень, трансформация в индивидуальную нравственность; 3) понуждение членов общества к выполнению их основополагающих принципов.

Кризис нравственности в современной России проявляется во всех трех компонентах этой системы.

Отсутствие какой-либо одной доминирующей морали вообще характерно для современного общества, где глобализация и прочие подобные процессы приводят к сосуществованию различных моральных систем, не разделенных, как когда-то ислам и христианство, географическими и государственными границами. В подобных условиях о т. н. «общечеловеческих» нравственных принципах можно говорить лишь как об абстракции, ибо даже наиболее непререкаемые из них, такие, как «не убий», непререкаемы далеко не для всех (убийство «неверного» иногда поощряется). Вне религиозного контекста тоже постоянно возникают нравственные коллизии, и трудно найти нравственно окрашенную проблему, в отношении которой в современном обществе наблюдалось бы достаточное единство мнений. В большинстве же случаев мнения в нашем обществе радикально расходятся, и прямо противоположные позиции имеют примерно равное число сторонников.

Все многообразие моральных дилемм и существующих в отношении них позиций можно свести к двум знаменателям, которые соотносимы с *либеральной* и *консервативной* (названия, естественно, очень условны) идеологиями в решении нравственных вопросов. При погруженности демаркационной линии между ними в историю философии, вплоть до учений, в первом случае Дж. Локка, во втором – Т. Гоббса, она очень выражена в современной России, проявляясь не столько в философских дискуссиях, сколько в бытовых ситуациях, четко вычерчивая основной контур соответствующих моральных противостояний. Какой бы из подобных вопросов ни затронуть, всегда водораздел между противоборствующими позициями проходит на уровне бытовой дилеммы: «запретить или разрешить», позволив нашим согражданам большую или меньшую степень бытовой, экономической, политической или какой-либо другой свободы. Запретительно-разрешительная матрица формирует призму, сквозь которую некоторые наши законодатели, политики, журналисты, «кухонные комментаторы» и другие категории населения воспринимают самые различные события, выносят мнения по поводу и единичных ситуаций, и общего положения дел в стране, а также кардинальных путей его улучшения. Можно утверждать, что в калейдоскопе «моралей» и нравственных позиций, сосуществующих и противоборствующих в современном российском обществе, *именно противостояние разрешительного либерализма и запретительного консерватизма являются главной осью поляризации различных видов нравственного сознания*³³. При этом, как ни парадоксально, различные религии, например, христианство и ислам, в целом оказываются по одну сторону баррикады,

³³ Естественно, не только в российском обществе. Так, Дж. Миллер подчеркивает, что главной проблемой поддержания социального порядка сейчас является гармоничное сочетание свободы личности с ее ограничением интересами общества, интеграция свободы и ответственности (Miller, 2005). Отмечается также, что «неразрешимый философский диспут и демаркационная линия между индивидуальной свободой и социальной ответственностью сейчас воспроизводятся и на эмпирическом уровне» (Nunner-Winkler, Edelstein, 2005, p. 22).

выступая за более жесткие ограничения поведению граждан, хотя одни религии, утверждая необходимость более строгих ограничений, могут видеть чрезмерный либерализм в других (например, ислам в христианстве), а одной из главных причин роста популярности радикального ислама служит падение нравственности в христианском мире, в частности, разрушение таких традиционных ценностей, как солидарность, патриотизм и др., а также поддерживавших их социальных институтов (MacIntyre, 1985). «Коррозия нравственности» начинает распространяться и на другие культуры, находящиеся с Западом в наиболее тесных контактах, например, на китайскую и индийскую (Keller et al., 2005).

Пережив многовековую историческую и философскую эволюцию, либерализм и консерватизм не слишком отдалились от своих корней. Базовое убеждение консерваторов состоит в том, что человек по природе своей эгоистичен и агрессивен, стремясь максимизировать свои блага за счет окружающих, и поэтому над ним нужен достаточно строгий контроль, который является основной функцией социума. Либералы, напротив, убеждены в том, что природа человека не так уж плоха, ему в общем и целом можно доверять, предоставляя значительную свободу, сводя к минимуму внешний – со стороны социума – контроль над его поведением. Дискуссия в подобной системе исходных убеждений очень плодотворна, вдохновляя на различное видение природы человека, но неразрешима, как и ключевой вопрос *о природе человека вообще*. Симптоматично и то, что попытки подойти к решению вопроса эмпирически, например, задавая людям вопрос: «Как, по-вашему, человек хорош или плох?», – порождают поляризацию респондентов, а соотношение ответов существенно варьирует в разных культурах (Political action, 1979).

При достаточной выраженности разрешительно-запретительного измерения в моральном сознании народа, представления о том, что именно можно разрешить, а что и как следует запрещать, всегда варьируют, хотя существуют инварианты, характерные для близких культур, – например, базовые свободы, зафиксированные в европейских законодательствах. Если консервативный континуум не может быть неограниченным даже теоретически (трудно представить себе общество, даже тоталитарное, где человеку *запрещено все*), то неограниченность либерального континуума *в абстракции* можно себе представить. Возможны два основных варианта такой утопии (соответствующая реальность пока выглядит довольно утопической): 1) внешние, накладываемые социумом ограничения не нужны ввиду того, что люди сами накладывают на свое поведение необходимые ограничения³⁴ (нечто близкое к мифу о коммунизме, предполагавшему не только идеальное общество, но и *идеального человека*); 2) свобода граждан не ограничивается ни извне (социумом), ни изнутри (ими самими).

Если первый вариант утопичен, хотя, возможно, человечество когда-нибудь морально усовершенствуется настолько, что он перестанет быть утопией, то второй – катастрофичен. Казалось бы, утопичен должен быть и соответствующий вариант либеральной идеологии – ее радикальная разновидность, когда «все разрешено». «Можно все, что не запрещено законом», «запреты неэффективны» и т. п. – излюбленные нашими современными либералами идеологемы. Но если можно все, что не запрещено законом, то, значит, моральные ограничения вообще отсутствуют, общество существует без морали – одного из двух основных регуляторов человеческого поведения. Возможно ли такое общество? Если возможно, то что оно из себя будет представлять? Эти вопросы наши нынешние либералы, как и советские идеологи, больше озабоченные идеологической комфортностью своих утверждений, чем их соответствием реальности («неонтологическое мышление»), просто не ставят. Аналогично обстоит дело с идеологемой «запреты неэффективны» и с другими подобными утверждениями. Как хорошо известно, цивилизация основана на запретах, а общество, где они отсутствуют или

³⁴ Примером может служить идеология «открытого общества», разработанная К. Поппером. В ее рамках свобода человека разумна и ответственна (Поппер, 1992).

«неэффективны», т. е. существуют, но не действуют, сильно напоминало бы бои без правил, но не в пределах ринга, а в масштабах всего социума, не говоря уж о том, что в таком обществе не были бы запрещены – а, значит, были бы разрешены – убийства, изнасилования, наркотики, и необходимо очень богатое воображение, чтобы представить, как такое «общество», обладающее практически неограниченным потенциалом самоистребления, могло бы существовать. Но очевидная «неонтологичность», абсурдность, нелепость и неосуществимость псевдолиберальных идеологем (назовем их «либералогемы») не лишает их удивительной жизнестойкости в нашем обществе.

Подобное мышление и продуцируемые им либералогемы можно было бы объявить откровенно патологичным и заслуживающим разве что медицинских диагнозов в духе изречения героя литературной классики: «шизофрения, как и было сказано», если бы оно не формировало идеологическое поле, оказывающее большое влияние на мышление значительной части наших сограждан. Многие из них, особенно «дети 1990-х и 2000-х», сформировавшиеся в те годы и впитавшие в свою личностную организацию, интериоризировавшие в своей психике криминально-анархическую атмосферу тех лет, одной из главных ценностей считают *свободу*, ее же понимают как полное отсутствие запретов и ограничений. Идеологией, наиболее соответствующей их психологическому складу, – их «психоидеологией» – является наиболее радикальный вариант либерализма, который С. Ю. Глазьев называет «вульгарным либерализмом» (Глазьев, 2008). Отсутствие нравственных запретов и ограничений, соблюдение законов не вследствие понимания их необходимости для нормального существования общества, а лишь потому, что государство заставляет их соблюдать, создают ту (без) нравственно-правовую среду, в которой формируется значительная часть наших сограждан. Популярность такого псевдолиберализма знаменует собой кризис *морали*, т. е. первого из трех ключевых элементов поддержания нравственности в нашем обществе.

Трансляция моральных принципов в нравственность

Глубокой кризис в нашем обществе переживает и второй элемент системы поддержания нравственности в нашем обществе – трансляция моральных принципов с социального на индивидуальный уровень и их трансформация в индивидуальную нравственность.

Этот процесс описан рядом психологических концепций моральной социализации, среди которых наибольшую известность приобрели модели морального развития Ж. Пиаже, Л. Колберга, К. Гиллиган и др. В каждой из них можно выделить два основных элемента: 1) стадии морального развития личности; 2) факторы, влияющие на этот процесс. Выделение стадий предполагает имплицитное представление о моральной социализации как поэтапном восхождении от более низких уровней к более высоким. Так, Пиаже описывает две ключевые стадии моральной социализации: 1) «мораль принуждения», основанную на восприятии ребенком моральных правил как исходящих от авторитетного лица (взрослого) и их соблюдении под влиянием страха наказания за их нарушение; 2) «мораль кооперации», базирующуюся на восприятии этих правил как объективно нужных и их добровольном принятии (Piaget, 1932). Согласно концепции Л. Колберга, которая нашла широкое применение не только в психологии, но и в педагогике, в юриспруденции, в антропологии и в других сферах (Miller, 2005), моральное развитие человека представляет собой последовательное восхождение от 1) доконвенционального уровня, на котором он соблюдает моральные правила из страха наказания, к 2) конвенциональному, где соблюдение этих правил осуществляется под давлением окружающих, и далее – к 3) постконвенциональному, на котором соблюдение этих правил обусловлено пониманием их необходимости для поддержания нормальной общественной жизни (Kohlberg, 1984). Для постконвенционального уровня характерна апелляция к совести, а юри-

дические законы выступают как выражение моральных принципов³⁵. К. Гиллиган, исследовавшая моральное развитие *женщин*, тоже описывает трехуровневую структуру такого развития, в рамках которой первый уровень детерминирован ориентацией на индивидуальное выживание, второй связан с принятием ответственности за других, третий – с выбором между ответственностью перед собой и ответственностью перед окружающими (Gilligan, 1982). Дж. Рест, описывающий моральное развитие в терминах не стадий, а когнитивных схем – 1) схемы личного интереса, 2) схемы усвоения норм, 3) постконвенциональной схемы, – приурочивает их формирование к стадиям, выделенным Л. Колбергом (Rest et al., 2000)³⁶.

В условиях стадияльной структуры моральной социализации наиболее очевидным вариантом патологического развития является недостижение его высших стадий, приостановка на нижних, хотя, естественно, далеко не всегда подобные модификации данного процесса можно считать патологией. Так, например, как выше уже отмечалось, М. И. Воловикова обнаружила, что у наших соотечественников моральная социализация часто либо «застревает» на первой стадии, либо сразу «перескакивает» на третью (Воловикова, 2010), т. е. соблюдение моральных норм под давлением малой группы (семьи, друзей и т. п.) или общества в целом (своего рода «моральный конформизм») у нас менее распространено, чем следование им из страха наказания или по велению совести. Нарушение собственно *стадияльности* в данном случае выглядит довольно метафорично: по сути, речь идет о том, что в нашем российском обществе, по сравнению с другими культурами, непропорционально велика доля как высоконравственных индивидов, которых нет необходимости ни принуждать, ни агитировать исполнять нравственные нормы, так и абсолютно безнравственных, которые если и соблюдают их, то только по принуждению. Бытовой пример подобного распределения – распространенность как героизма, бескорыстного самопожертвования, волонтерства и других образцов высоконравственного поведения, так и жестокости и бесчеловечности в их очень экстремальных формах. Конечно, на основании подобной тенденции нельзя сделать вывод о том, что мы – либо очень хорошие, либо очень плохие, поскольку промежуточных вариантов в нашем обществе тоже хватает, однако наша тенденция регулярно переходить от одной крайности в другую (см.: Вехи, 1991) проявляется и в отношении уровня морального развития.

Одна из главных причин этой ситуации связана с фактором, который в различных концепциях моральной социализации выделяется в качестве одного из основных. Ж. Пиаже считал таким фактором уровень развития интеллекта (Piaget, 1932). Вообще, согласно Пиаже, существует онтогенетическая связь между когнитивным и моральным «рядами», причем ведущая роль в их синхронном развитии принадлежит когнитивному «ряду». Аналогичные взгляды высказывал и Л. Колберг (Kohlberg, 1984). При этом эмпирические исследования продемонстрировали, что уровень морального развития коррелирует с уровнем образования³⁷, который, в свою очередь, тесно связан с уровнем интеллекта (Al-Ansari, 2002). Подтвердили они также существование высокой корреляции между уровнем морального развития и когнитивной сложностью (Jaffee, Hyde, 2000), которая тоже непосредственно связана с уровнем интеллекта. Большая нагрузка ложится и на интуицию, а стало быть, и на лежащие в ее основе неосознаваемые процессы. «Мораль, характеризующая низкодифференцированные системы культуры, не проявляется в субъективном плане в качестве четких законов и инструкций, основана на „чувствовании“, а не на „знании“», – пишут Ю. А. Александров, В. В. Знаков и

³⁵ К сожалению, по данным кросс-культурных исследований, такие люди во всех выборках составляют меньшинство, т. е. характерным для всех культур является недостижение основной частью их представителей третьего уровня морального развития, – не в этом ли коренится основная причина преступности и других негативных социальных явлений?

³⁶ В соответствии с этой теорией, человек может использовать несколько моральных схем одновременно (в отличие от стадий, которые заведомо не могут сосуществовать друг с другом).

³⁷ Многие, конечно, зависят и от *характера* образования, в частности, от образов общества, которые лежат в основе его социогуманитарной составляющей.

К. А. Арутюнова (Александров и др., 2010, с. 345). Большое значение имеет и эмоциональный интеллект: неспособные сопереживать люди редко бывают высоконравственными. Эмпирические исследования продемонстрировали также, что чувство ответственности за свои действия перед обществом имеет в своей основе такие психологические процессы, как эмпатия, сострадание, сочувствие, сопереживание и др. (Miller, 2005). Важным качеством нравственных (в данном случае не высоко-, а просто *нравственных*, т. е. уважающих хотя бы основополагающие нравственные принципы) людей является также регулярно испытываемый ими *когнитивный диссонанс* по поводу нравственных дилемм (Гулевич, 2010), тоже производный от уровня интеллектуального и эмоционального развития личности. Нравственный человек, на наш взгляд, *регулярно сомневается* в достаточной справедливости принимаемых им нравственных решений, в то время как лишенный этого качества «когнитивно простой» человек не склонен к «душевному страданиям». В этой связи уместно процитировать Г. С. Померанца: «История – это прогресс нравственных задач. Не свершений, нет, – но задач, которые ставит перед отдельным человеком коллективное могущество человечества, задач все более и более трудных, почти невыполнимых, но которые с грехом пополам все же выполняются (иначе все бы давно развалилось)» (Померанц, 1991, с. 59). Действительно, если бы люди не испытывали *сомнений* по поводу моральной допустимости новых возможностей, постоянно открываемых перед ними научно-техническим прогрессом, то этот прогресс уже давно было бы некому осуществлять, ибо такое человечество неминуемо себя уничтожило бы.

Хотя существует немало межкультурных различий в проявлении закономерностей морального развития, связанных главным образом со спецификой коллективистских и индивидуалистских культур³⁸ (Miller, Bersoff, 1998; и др.), эта закономерность выглядит достаточно инвариантной относительно специфических черт различных культур и народов, особенно в условиях «интернационализации моральных ценностей» (Keller et al., 2005). Таким образом, несмотря на частую встречаемость высокоинтеллектуальных и высокообразованных «злодеев»³⁹ (в мировой литературе он увековечен в образе профессора Мориарти А. К. Дойля), все-таки в общем и целом повышение образовательного и интеллектуального уровня населения способствует повышению нравственности. И наоборот: алкоголизм, наркомания, низкий уровень жизни, плохое питание, курение и другие вредные привычки, массовая беспризорность – снижают «средний интеллект» нации, а посредством этого – и уровень нравственности.

В этой связи уместно выделить две группы людей: 1) поступающие безнравственно по убеждению; 2) поступающие безнравственно по недомыслию. В первом случае человек прекрасно понимает социальную роль морали и необходимость нравственных принципов для нормального существования общества, но нарушает их, подчас с явным удовольствием, под влиянием самых разных мотивов: корысти, самоутверждения, удовольствия от глумления над общепринятыми ценностями и т. д. Во втором случае человек просто не понимает смысла этих норм и напоминает чеховского героя, который в отсутствие каких-либо дурных намерений свинчивал гайки с рельсов, не думая, к каким последствиям это может привести (т. е., в современных терминах, готовил теракты, не отдавая себе в этом отчета). Психологической основой безнравственных поступков в данном случае служит «задержка» моральной социализации, проистекающая из дефицита интеллектуальных способностей.

Важно отметить, что интеллектуальные способности достаточно многообразны и не сводятся только к общему уровню интеллекта или к тем интеллектуальным операциям, на которых

³⁸ Сильные различия в этом плане существуют и внутри культур в их глобальном понимании. В частности, «еще один аспект проблемы, который нельзя игнорировать при изучении решения моральных дилемм россиянами, заключается в наличии отличительных особенностей в структуре нравственного сознания россиян, принадлежащих к разным этническим группам» (Александров и др., 2010, с. 349). Это замечание распространимо и на большинство других народов.

³⁹ Существуют и довольно экзотические примеры подобного плана. Так, в одном из исследований показано, что у студентов-медиков на первых курсах обучения уровень морального развития снижается (Patenaude et al., 1999).

делают акцент Ж. Пиаже и Л. Колберг, описывая моральное развитие ребенка. Сюда относятся также и эмоциональный интеллект, и рефлексивные способности, – в частности, способность (и желание) оценить, как твои действия воспринимаются другими, к каким последствиям они могут привести и т. п.

В данном контексте стоит нарушить сложившуюся традицию в понимании соотношения морали и нравственности, согласно которой «мораль – это форма общественного сознания, а о нравственности уместно говорить применительно к конкретному субъекту – как он усваивает известные всем моральные нормы, например, десять заповедей» (Знаков, 2011, с. 414). Оставив за моралью ту же «понятийную нишу» – *системы правил*, дифференцирующих добро и зло⁴⁰ и предписывающих, что следует, а что не следует делать, вынесем понятие нравственности на нетрадиционный для него уровень – уровень «неконкретного» субъекта, которым является социум в целом. Тогда, на данном уровне, можно будет выделить основные слагаемые этого понятия и, соответственно, реперные точки, на которые обычно опираются, говоря о нравственности того или иного общества.

На соответствующей систематизации основан описанный выше Индекс нравственного состояния общества (ИНСО)⁴¹, фиксирующий такие слагаемые нравственной атмосферы общества, как уровень: 1) жестокости, 2) бесчеловечности, 3) несправедливости, 4) цинизма. Операциональным показателем 1-й характеристики служит количество убийств на 100000 жителей, индикатором 2-й – количество беспризорников (точнее, детей, оставшихся без попечительства родителей), индикатором 3-й – Индекс Джини, выражающий неравномерность распределения доходов, показателем 4-й – Индекс коррупции. Разумеется, можно использовать и другие индикаторы нравственности/беснравственности общества и другие способы их индикации, однако и описанный способ представляется вполне приемлемым, поскольку все подобные варианты операционализации и количественной оценки качественных явлений, по сути, «не догмы, а руководства к действию».

Если оценивать состояние нравов в нашей стране в рамках описанной схемы – как характеризующее уровнем жестокости, бесчеловечности, несправедливости и цинизма, то положение дел выглядит плачевным в каждой из этой сфер, что проявляется в соответствующих показателях, приведенных выше (см. таблицу 7).

Таким образом, оценка нравственного состояния современной России, т. е. наших продуктов трансформации общих моральных принципов в индивидуальную нравственность, дает неутешительный результат (см. Юревич, Ушаков, 2010).

Кризис второго из выделенных нами элементов поддержания нравственности в нашем обществе – системы трансляции нравственных принципов с социального на индивидуальный уровень – очень отчетливо проявляется также в состоянии ключевых *институтов* моральной социализации, к числу которых принято относить семью и образовательные учреждения (Гулевич, 2010), а также «улицу» и средства массовой информации. Здесь следует подчеркнуть три основные тенденции: во-первых, атрофию некоторых институтов, например, общественных организаций советского времени; во-вторых, изменение относительной влиятельности существующих институтов, в частности, снижение авторитета школы и рост влияния СМИ; в-третьих, изменение их функций. «Традиционные институты социализации (семья, школа, учреждения профессионального образования, учреждения дополнительного образования, тру-

⁴⁰ «Существуют разные определения морали, – пишет О. А. Гулевич. – Однако, как правило, под ней понимается совокупность норм (требований и запретов), регулирующих отношения между людьми, нарушение которых рассматривается в терминах „хорошо – плохо“, „добро – зло“. Они существуют лишь на уровне представлений их носителей, т. е. не зафиксированы официально, а контроль за ними осуществляют отдельные люди и неформальные объединения» (Гулевич, 2010, с. 52). Согласно Ж. Пиаже, основу морального сознания тоже составляют запреты, определяющие, что «хорошо», а что – «плохо» (Piaget, 1932).

⁴¹ По существу, это Индекс нравственного неблагополучия общества, ибо он выражает только негативные характеристики.

довые коллективы) утрачивают свое влияние. Образовавшиеся пробелы восполняются легкодоступными носителями информационного продукта, например, средствами массовой информации», – пишут С. К. Бондырева, Г. В. Безюлева и Д. В. Сочивко (Бондырева и др., 2010, с. 265). При этом, как отмечает В. А. Соснин, «значительные возможности влияния средств массовой коммуникации на массовую аудиторию обуславливаются тем обстоятельством, что их содержанием охватывается весь спектр психологического воздействия в диапазоне от информирования, обучения, убеждения до манипуляции» (Соснин, 2010, с. 327).

Налицо также выхолащивание *воспитательных* функций некоторых институтов моральной социализации, что связано, в частности, с описанной выше псевдолиберальной идеологией. Так, ее адепты, в начале 1990-х годов занесенные волной либеральных реформ в органы управления отечественной системой образования, официально провозгласили отказ от выполнения нашей школой воспитательной функции и превращение ее в сервисную структуру по «оказанию образовательных услуг населению». Тем самым был изъят заложенный еще А. С. Макаренко краеугольный камень отечественной системы образования – *единство обучения и воспитания*.

Аналогичный «захват власти» псевдолибералами произошел в таком институте социализации, как СМИ, прежде всего на телевидении, влияние которого на нашу нравственность вынуждает отечественные законодательные органы настойчиво искать пути противодействия ему. Ударный аргумент псевдолибералов в дискуссии со сторонниками ограничений – «Не хочешь – не смотри» – служит лишь очередным свидетельством несостоятельности их идеологием: если последовательно продолжить эту логику, то следует выдвинуть возражения против запрета продажи наркотиков («Не хочешь – не покупай») и т. п. В данном случае вновь проявляется связь второго уровня системы поддержания (а также разрушения) нравственности общества с первым – трансляции моральных принципов на уровень индивидуальной нравственности с их продуцированием и распространением в обществе. Кризис на одном уровне неизбежно продолжается в кризисе на другом.

Понуждение к соблюдению нравственных норм

Отчетливо выражен кризис и третьего уровня системы поддержания нравственности – уровня понуждения наших сограждан к соблюдению основополагающих нравственных принципов. Здесь тоже очевидна связь с общей идеологией, в частности, с обсуждавшейся выше «либералогемой», согласно которой «запреты неэффективны», а также с псевдолиберальными идеями о том, что человек должен быть во всем свободен и принуждать его ни к чему нельзя. В этом же ряду находится и либералогема «можно все, что не запрещено законом», означающая, что человек имеет право нарушать нравственные принципы, если он при этом не нарушает законы, и принуждать его к их соблюдению – противозаконно. Против этого трудно возразить, однако любое общество стремится придать основополагающим нравственным принципам статус законов⁴², а в тех областях нравственного поведения, которые не регулируются законами, применяются нравственные же меры воздействия, которые могут быть не менее жесткими, чем законы. Так, некоторые китайские чиновники, осужденные за коррупцию, выдержав законодательное наказание, отсидев назначенные им сроки, затем, выйдя на свободу, кончили жизнь самоубийством: «потеря лица» очень существенна для китайской культуры. Уместно вспомнить здесь и то, каким жесткими были «меры морального воздействия» в советском обществе, – в частности, что означало для человека исключение из партии или из комсомола. Понуждение к исполнению нравственных норм особенно актуально в условиях, когда значи-

⁴² Подобные прецеденты имеются и в современной России (например, законы о запрете распития спиртных напитков и курения в общественных местах и т. д.).

тельная часть населения находится на первой стадии морального развития, по Л. Колбергу, соблюдая их лишь под страхом наказания. Естественно, куда более желателен переход на третью стадию, на которой гражданами добровольно исполняются эти нормы, или хотя бы на вторую, где это происходит из конформности. Соответствующие меры по повышению уровня нравственной социализации тоже необходимо практиковать. Это – т. н. «мягкое» моральное воздействие через систему образования и воспитания. Однако к отказу от существования принуждения современное общество, особенно наше, российское, вопреки псевдолиберальным мифам, пока не готово, и эффективность системы поддержания нравственности во многом зависит от эффективности принуждения к соблюдению ее основ.

Принуждение в демократическом обществе чаще всего выступает в виде *самопринуждения*, накладывания личностью добровольных ограничений на свою свободу. Поэтому, как пишут Г. Нуннер-Винклер и В. Эдельштейн, в современном мире «социальный контроль теряет силу, а главным условием функционирования социальных систем становится самоконтроль» (Nunner-Winkler, Edelstein, 2005, p. 5). Здесь вновь актуализируется общеидеологический уровень представлений о нравственности и торжествует либеральная мысль о том, каким должен быть социальный контроль в современном мире – не насильственным и реализуемым над человеком извне, а добровольным и самостоятельно осуществляемым им над собой. Но одновременно проявляется и описанное выше отличие подлинного либерализма от псевдолиберализма. Если первый, в отличие от консерватизма, настаивает, что человеку можно доверять и, соответственно, можно доверить ему самому контроль над своим поведением, то второй, в его наиболее радикальных вариантах, призывает к тому, что контроль над человеком *вообще не нужен* – ни во внешней, внеличностной, ни во внутренней, внутриличностной, форме.

При всей абсурдности этой идеи она очень популярна в некоторых слоях современного российского общества, что в том или ином виде регулярно проявляется в общественных настроениях по поводу наиболее вопиющих нарушений морали.

Вообще *ослабление социального контроля* над индивидами – и во внешней, и во внутренней форме – является одним из главных маркеров тех социально-психологических изменений, которые наше общество переживает с конца 1980-х годов, причем многие, и отнюдь не только псевдолибералы, воспринимают это ослабление с восхищением, именно в нем видя путь к свободе и демократии. При этом допускается очередная ошибка, основанная на непонимании того, что истинная и единственно возможная свобода – не утопичная и безответственная, а та *свобода, которую общество может себе позволить*. Она предполагает не полное снятие социального контроля над личностью, а лишь его интериоризацию, перевод из внешней во внутриличностную форму.

Из самых разнообразных видов контроля наибольшее ослабление за годы наших реформ претерпел *нравственный контроль* – контроль над соблюдением нравственных принципов, что неудивительно в условиях широкой пропаганды принципа «можно все, что не запрещено законом». Поучительным примером служит то, что вопиющие случаи безнравственного поведения наблюдаются не только в частной жизни наших сограждан, где контроль над ними со стороны общества сведен к минимуму, но и в их публичной активности, причем и в активности членов общества, которая наиболее публична, будучи связанной с органами государственной власти, со средствами массовой информации и т. п. СМИ регулярно предоставляет зрителям примеры полного отсутствия морального контроля там, где он, казалось бы, должен носить очень строгие формы, переходя в правовой контроль. Рефлексируя над подобными случаями, трудно не заметить, во-первых, их полную публичность – подобное происходит у всех на виду, во-вторых, то, что они преподносятся как норма, а не исключение. Складывается впечатление, что нормой нашей жизни стало отсутствие нравственного контроля даже в абсолютно публичных

ситуациях и даже там, куда достает око центральной власти, не говоря уж о гораздо более значительном пласте жизни, скрытом от этого ока.

Ослабление внешнего контроля не было бы разрушительным для общества, если бы компенсировалось внутриличностным контролем, в соответствии с обрисованной выше либеральной схемой. Однако ослабление социального контроля не только не компенсируется самоконтролем граждан, но, напротив, сопровождается его ослаблением, возведенным в некоторых, особенно молодежных, социальных слоях в культ «отвязности» – от социальных норм и правил. Характерный пример ослабления нравственного самоконтроля – бытовая развязность в форме, например, попракия вроде бы не слишком существенных нравственных норм (мат в общественных местах, плевки и бросание окурков на тротуар, вызывающие позы в общественном транспорте, демонстрирующие неуважение к окружающим и т. п.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.